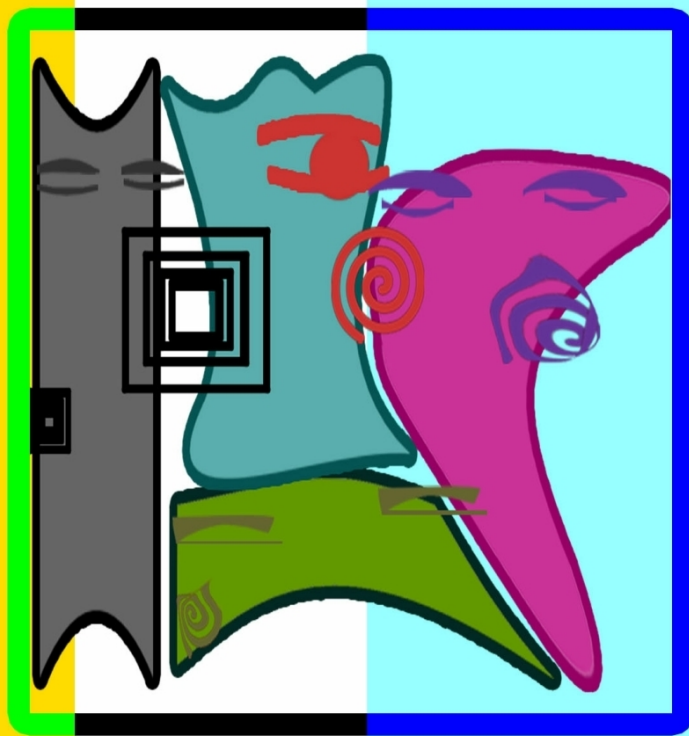

ИЗВАС ФРАЙ

наша самая прекрасная трагедия

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Извас Фрай

Наша самая прекрасная трагедия

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фрай И.

Наша самая прекрасная трагедия / И. Фрай — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Бросив всё, что они когда-либо знали и любили, семья Штефана бежит из Берлина в незнакомую страну. Это событие изменило каждого из них, но больше всех расставание с родным и близким ему миром далось Штефану, которому исполнилось семнадцать лет. Он учит язык, знакомится с обитателями этого нового и такого загадочного мира, влюбляется, приобретает и теряет. Но пройдя через все трудности, он находит в себе желание жить. Страна и город, которые были для него чужими, открылись ему совсем с другой стороны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 Июнь	5
1. Штефан	5
2. Отто	7
3. Штефан	11
Глава 2 Июль	15
1. Штефан	15
2. Штефан	18
3. Альберт	22
Глава 3 Август	25
1. Отто	25
2. Штефан	27
3. Гоголь	33
4. Штефан	35
Глава 4 Сентябрь	39
1. Штефан	39
2. Гоголь	42
3. Штефан	44
4. Хайдеггер	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1 Июнь

1. Штефан

Каждому человеку, так или иначе, рано или поздно, приходится выбрать свой жизненный путь.

– Штефан, давай скорее!

– Что такое?

– Давай, иди уже, мы ждём только тебя одного.

Так всё время говорит мой отец и с ним трудно не согласиться. Произнося эту фразу, он всегда спрашивал меня: «Und was wählst du?» – «А что выберешь ты?». Мне всегда казалось, что так он издевается надо мной. Но нет, он и вправду верил, что всё в жизни зависит лишь от самого человека и от его выбора. А ведь и он, и я – были одними из многих, кому судьба указала путь, не спрашивая разрешения, и велела идти по нему, сжав зубы, утерев слёзы кулаком. Уж не знаю, чем я так разозлил её, раз всё случившееся со мной – дело рук Фортуны. Если бы моя судьба приняла человеческий облик или, как мне представляется лучше, звериный – клянусь, не знаю как, но я бы покончил с ней, раз и навсегда. Но увы, в том вся и проблема, что как бы мне того ни хотелось, но в наших неприятностях некого винить.

– Куда мы так торопимся? Почему нельзя выехать на час позже?!

– Я рассчитал маршрут. Мы с твоей мамой уже всё решили.

Они всегда хотят, чтобы всё было идеально. К вечеру, мы должны быть в ста километрах к западу от Кракова, чтобы вовремя пересечь границу на следующий день.

– В Украине нас уже ждут. Будет неловко, если мы опоздаем.

Ukraine. Украинэ. Звучит как кошмар. Но именно в нём я сегодня проснулся.

Машину мы забили доверху: тряпье, барахло, безделушки – всё, что угодно, но только не то, без чего действительно нельзя обойтись. Но даже если бы мы сумели уменьшать предметы так, чтобы они могли уместиться в кармане – родной город увести с собой мы всё равно не сможем. Впервые, покидая его, я испытываю подобные чувства. Раньше, я всегда знал, что под рукой у меня есть обратный билет. Но теперь, в нём был указан только один конец. Мы покидали Берлин. Есть вещи, которые становятся частью нас самих, и забыть их невозможно, сколько бы ни было выпито спирта, как бы мы ни бальзамировали душу пустыми успокоительными словами.

Не знаю, что ждёт там, впереди – никогда не умел заглядывать в будущее дальше, чем на пару секунд, да и то, нечасто. Я вижу своих родителей на переднем сидении нашего авто, пролетающего по автобану. Мама за рулём, а рядом папа, будто мы выехали за город, погулять в Потсдаме или в Магдебурге. Им-то куда комфортнее, чем мне, сидящем в одной купе с хламом, не поместившимся в багаж. Впрочем, чего я такой злой – всё это произошло не по их воле и рады они были не меньше моего. Это не их вина, что пришлось покинуть Берлин и ехать на край Европы, просто так случилось.

Весь мой гнев сошел на нет в тот же миг, если бы вся семья была убита горем, но меня всё ещё приводили в ярость их силуэты на передних сиденьях. Сейчас перед глазами у меня стоят фрагменты лиц моих родителей, отраженных в зеркалах заднего видения: они – каменные, не живые, минеральные наросты вместо глаз, вместо скул, щёк и голов; они не выражают чувств и я злюсь не на них – меня выводит из себя мысль, что в груди, спрятавшись под масками из горных пород, ещё бьются их сердца, способные чувствовать, которые могли бы навернуть слёзы на холодных глазах или хотя бы вздохи горя, и тех мне бы хватило, чтобы не думать, что

только из моих очей стекают вниз маленькие капельки, хоть и по-тихому, но так, чтобы можно было заметить. Я злюсь на то, что я – единственный, кто не делает вид, что ему не больно.

Вспоминая об этом сейчас, я не могу не улыбнуться и не подумать, что так начиналась одна из самых счастливых эпох в моей жизни. Так же, как я плакал, покидая Берлин, я буду плакать, когда вернусь сюда тринадцать месяцев спустя.

Ночевали мы в мотеле где-то на востоке Польши, неподалёку от Кракова. Вглядывайся, запоминай, – говорю я себе, – такого ты не увидишь больше нигде, никогда. Страна, в которую мы переезжаем с концами, уже совсем близко. Горе тем, кто покидает родные края без возможности вернуться. Украина, если я о ней когда-нибудь и слышал, то в моей голове эта страна всегда была где-то за незримой далью – за славянским морем, восточнее Польшей, но западнее России, севернее Румынии, но южнее Беларуси и Прибалтики, одним из многих безымянных осколков советской империи, среди необъятной пустоты, и так далеко от дома, что и подумать страшно.

Если кому и было труднее, чем мне, так это маме, которая не знала ни русский, ни украинский язык. Папа же владел немного и тем, и другим, но не так, чтобы бросаться в разговор о всяких пустяках с тамошними жителями и не испытывать того неловкого чувства, будто врезаешься головой в стенку, запутавшись в словах и мыслях как в паутине без малейшей возможности вырваться. Я, хоть и учился с шести лет в школе, ставившей упор на изучение русского языка, испытывал похожие чувства. Так что, всем нам придётся биться лбами о языковой барьер, переломав себе при этом несколько жизненно важных костей. Привыкать к другой культуре и учиться жить заново. Никогда возможность попадания в дорожно-транспортное происшествие с летальным исходом не казалась мне настолько привлекательной.

2. Отто

Польша – она совсем близко и так далеко. Я чувствую её землю у нас под колёсами автомобиля. Здесь ещё не чувствуешь, что находишься вдалеке от дома, но чем дальше мы продвигаемся вглубь этой страны, тем сильнее во мне разгораются совсем нетуристические тревоги.

Если бы за рулём сидела не моя жена, то мне и в головы бы не пришли бы подобные мысли. Когда ведёшь машину, думаешь только о дороге, о безопасности близких, жизни которых зависят только от тебя. Потому и места под черепом для посторонних мыслей попросту не остаётся. Но ведёт именно она. А мне в пути приходится спасаться от скуки, от однообразных пейзажей за окном и бездумных прозябаний в телефоне. Всякое может прийти на ум – как сейчас, не самое весёлое. Я бы мог просто смотреть дорогу, но мне приходится думать о будущем. Теперь ясным становится то, что я не знаю, каким оно будет. Мы строим свою жизнь заново, а в моём возрасте это уже вредно для здоровья. Страна, люди в которой тебя не понимают – нам нужно привыкать к ним, искать работу, думать о крыше над головой, сохраняя достоинство и честь. Учить язык и местные обычаи, научиться любить новый дом и людей, которые будут рядом с нами. Будь я один – быстро бы сдался, спился, ушел в себя так глубоко, что не смог бы вернуться. Но нам с женой придётся совершить этот подвиг – ради Штефана, нашего сына, у которого, в отличие от нас, ещё есть надежда на будущее. Ах, вот бы сидеть сейчас за рулём.

Слишком поздно что-либо менять, думать, как жить дальше. Как могли бы влачить своё существование, медленно приближаясь к заслуженной старости, заботясь о таких мелких проблемах, как дождь, пережаренное блюдо или скандал в газете «Spiegel» – теперь о них мы будем мечтать по ночам. Слишком поздно думать, как бы всего этого можно было избежать.

Невозможно спастись и от польского бигуса, который подают во всех придорожных закусокных, в мотеле, в ресторанах и дешевых забегаловках – как бы поляки не готовили бигус, он не станет похож на Sauerkraut. Свежий помидор, зубок чеснока, морковь, лук и мясо – и капуста. Много придумали поляки, кое-что у них получилось даже вкусно, но не так, как простая немецкая тушеная капуста, в которой и душа, и вкус, и любовь. А затем, я понимаю, что дело тут совсем не в капусте или способе её приготовления.

Вокруг достаточно людей, говорящих по-немецки, но стоит им сказать первую фразу, как сразу понимаешь, что перед тобой – поляк. Многие берлинские немцы пошутили бы, что в их городе немецкого не больше, чем на польской заправке. Но что мотельные номера с простым интерьером, что зал ресторана, где подают бигус, минимаркеты «склепы», что прайс-листы в польских злотых имеют общего с Берлином или хотя бы со знакомыми нам его частями? Один философ, хоть убей уже не вспомню его имя, однажды вывел четыре формы отчуждения, где самым болезненным был уход от собственной сущности, когда человек не реализует себя в труде, но отрицает себя, испытывает не благополучие, но отчаяние, не развивает свободно свои физические и душевные силы, но истощается физически, а умственно – обесценивается. Всё это я доказал на себе: днём в салоне автомобиля, а вечером – в кругу семьи, сидя за столиком какой-нибудь придорожной закусокной или номере мотеля. Меня пугает вовсе не эта страна, в которой я ни разу не бывал – не Польша, мне ещё не встречался немец, испытывающий страх перед ней, – а Украина. Вот, что действительно страшно.

Это бесстыдное проявление эгоизма с моей стороны, ведь мальчик волнуется куда больше, чем я. И если мне на ум приходят такие странные мысли, то страшно даже представить, что творится сейчас у него в голове. Но я ничего не могу с собой поделать. У меня было много времени изучить своего главного врага, сидящего внутри меня. Но справиться с ним я так и не сумел.

Меня зовут Отто, мне сорок восемь лет, я из Берлина и боюсь перемен, заложенных в слове, таком непривычном для уха; во рту оно вызывает маслянистый привкус, оно такое сла-

вянское, что пробуждает в уме образы бескрайних просторов, однообразных городов и непонятных людей – Украина. Как же я хочу перестать его бояться.

Ночь была тихой и долгой. Когда мне удалось заснуть, сквозь привычный шорох и храп, я заразил спящую жену и сына своими кошмарами. Как хотелось, чтобы завтрашняя дорога вела не вперёд, а назад. Весь кошмар и заключался в том, что возвращаться было некуда. Мы оставили позади свои жизни и воспоминания.

После великой войны, разрушительной для всех её участников, мой отец, родом из Беларуси, во время армейской службы попал в ГДР. Там он влюбился в мою маму – банальный служебный роман, как можно судить по его рассказам и чёрно-белым снимкам, дошедшим до наших дней. В целом, жизнь обоих удалась. Дезертирство, предательство старой родины в пользу новой редко складывается удачно, что в целом справедливо, но ему в этом деле повезло и оба моих родителей счастливо дожили до лет, когда свечи стоят дороже торта. Не самая справедливая судьба для того, кто склонен к измене, хотя сам папа имел на этот счёт иное мнение. Он успел объездить полмира, воспитать двух сыновей. На последней нашей общей фотографии все мы улыбаемся так, будто рекламируем зубную пасту. Это не была постановкой – все мы действительно были довольны своей судьбой. Жизнь складывалась так, что каждый день мы радовались тому, что все были вместе.

Первым нашим родственником, в жизни которого вошло слово «Украина» стал мой старший брат – дядя Штефана – Альберт. В середине бурных девяностых, когда наша родина была на подъёме общего оптимизма и роста иммиграции из отколовшихся от советского союза республик, судьба свела его с украинской туристкой, попробовавшей на вкус сладкую европейскую жизнь. Но она не пришлась ей по вкусу. Ностальгия, свойственная всем русским, тянула её в места, где она выросла и где уже в среднем возрасте мечтала встретить, пусть и полную лишений, старость – но зато среди тех, кого знала, и кому была рада больше всех немцев с толстыми кошельками и хмурыми лицами. Даже её любовь к моему брату, отнюдь не паспортная, не могла её удержать. В Берлине любой из семи гномов отыскал бы свой дзен, но для Белоснежки такая жизнь была страшнее кошмара. И не гному, в итоге, досталась героиня сказки, а принцу, который пошел за ней, преодолевая зло внешнее и внутреннее.

Уж очень мне нравятся сказки, а раз так, то я продолжу: гномом он был или принцем, но любовь к иностранке была сильнее любви к родине, и он пошел за своей Белоснежкой в страну подсолнухов и синего неба – увы, совсем невангоговских. Он ценил жизнь европейца, которая была ему глубоко знакома; в нём был силён дух романтика, он с самого детства стремился ко всему новому, неизвестному. Будучи автомехаником, ему известен был и «Запорожец», и про Днепрогэс он знал, пусть и понаслышке. Но никогда не думал, что именно в этом городе он состарится и не будет жалеть ни о чём.

Нашего отца судьба вырвала из славянского моря. А вот его сыновей и внука, так или иначе, призвала обратно. Какое же извращённое чувство юмора у того, кто всё это подстроил.

Европейские номера на украинской границе мелькали нечасто. А те, у кого они были – уж наверняка сами были украинцами, только чуть удачливее остальных. Не знаю почему, но буква «D» на нашей машине вызвала у меня грусть и смущение. Я опускаю лицо в ладони и делаю вид, что не замечаю, как жена смотрит на меня сквозь стеклянные линзы солнечных очков. В машине на «D» царит молчание, каждый погружен в собственные мысли. Кто о чём, а я уже начинаю волноваться за растаможку, если мы задержимся там надолго. А ведь всё к тому и вело.

В первом же городке у нас на пути мы поменяли карточки в телефонах, расставаясь с OrtelMobile и Lebara, мы приобрели Vodafone – с этого начинается любая миграция в нашем веке. Это ценный жизненный опыт, который лучше не иметь никогда. Свои старые карты выбрасывать мы не стали – скорее из сентиментализма, чем из практической необходимости.

Как мог бы сказать один русский классик: «Все счастливые туристы одинаковы, но каждый мигрант несчастлив по-своему».

Переезд в новую языковую среду – это всегда трагедия.

Миновав украинскую границу, я стал внимательнее вглядываться в пейзажи за окном. Вроде, ничего не изменилось – так всегда кажется, попадая в другую страну. Но позже, перемены начинают проявляться во всё более радикальных формах, и затем приходит понимание, насколько велики различия. Конечно, мне знакома кириллица, да и с русским языком, с горем пополам, я в дружеских отношениях. Но внезапный культурный шок застал меня врасплох. Прочитывая слова и фразы на русском и украинском языках кириллицей, интуитивно в голове они переводились на латиницу. Какое сильное влияние оказывает на меня моя прошлая жизнь – и как тяжело мне будет избавиться от него вместе с тем постоянным дискомфортом, который возникает сразу, стоит лишь выглянуть в окно.

Штефан молчал и на любые фразы огрызался коротко и грубо, игнорируя русский, на котором я говорил, он отвечал мне по-немецки. Молодец, сынок, но, увы, нам это не поможет.

Из всех нас, моя жена Анна была настроена оптимистичнее всего. Впервые за долгое время она была довольна и даже не скрывала этого. Мы поселились в отеле на окраине Львова. Пока мы с сыном напоминали скорее грозовую тучу, всё происходящее приводило мою жену в доброе расположение духа. И вправду легко было представить, будто машина наша забита отпусковыми чемоданами, а сами мы – туристы, вырвавшиеся на уикенд из города, с полными кошельками и яркими глазами, горящими от впечатлений и надежд. Но мои мысли никуда не исчезли, как бы я ни старался, как бы ни хотел, мне не удастся представить себя туристом, особенно после всего, что произошло – после событий, будто сейчас разворачивающимися у меня перед глазами. И как ни крути, ни Львов, ни любое другое место мне с этим не поможет.

В каждом туристическом городе, особенно в таком как Львов, есть места, выставленные на всеобщий осмотр, и куда в обязательном порядке стекаются все приезжие – даже если это изначально не входило в их планы, местные найдут способ показать такие места тебе, чтобы, так или иначе, у тебя осталось приятное впечатление – все дороги ведут к таким достопримечательностям. Но бродить по Рыночной площади, круг за кругом рассматривая товар в сувенирных лавках, не хуже и не лучше того, что я мог бы найти на Мариенплац, витрины магазинов и столики ресторанов – занятие, скучнее которого в незнакомом городе не придумаешь; и всё же, многим нравится.

Местная архитектура наводит на позитивные мысли и сам город, чем больше изучаешь его, тем он интереснее. Немного не такой я представлял себе эту страну. Это особая её часть – исторически и географически. Были времена, когда здесь с каждого угла немецкая и польская речь звучала чаще, чем русская или украинская. Мы стоим на окраине Австрийской империи, в месте, где кончается Европа, такими тогда были мои мысли.

В молодости, лет в двадцать, я впервые услышал мелодию, поразившую мою душу и научившую любить классическую музыку больше той, которую мне навязывали со всех радиостанций и плакатов. Я переслушал «Адажио» сотню раз, а фамилия Альбиони стала прямой дорогой к таким гениям, как Гайдн, Бах, Бетховен и даже Моцарт, которых, не смотря на всю их известность, я открыл только после знакомства с Альбиони. А затем, я узнал, что «Адажио» написал не он. Статья об одной из самых знаменитых фальсификаций в истории музыки, словно молния, сожгла цветущее дерево моей прежней наивности. Некий музыковед по фамилии Джадзотто в сороковых годах прошлого века написал то самое «Адажио Альбиони». Это было мудрое и дальновидное решение – выдать своё произведение за труд другого композитора, и вместе с тем, невероятно коварное. Только так эта мелодия смогла бы прозвучать на весь мир, ведь кто бы стал слушать музыку, написанную каким-то Джадзотто, который ко всему прочему даже не был композитором. А вот «потерянное во времени «Адажио» Альбиони», музыка восемнадцатого века, живая, будто написанная совсем недавно – звучало куда лучше.

Слушатель запомнил её под таким именем, даже после того, когда открылась истина, после того, как умер Джадзотто. Виды этого прекрасного города напоминали мне эту волшебную мелодию, которую я с тех пор перестал слушать, как и всю классику – «Адажио Альбиони».

Этот город встречает всех, кто прибывает в Украину с запада, по автодорогам. У нас здесь всего один день, а затем двинемся дальше. И чем больше мы будем заходить на восток, тем разительнее станут заметны перемены в ландшафтах и облике городов, тем меньше эта страна будет скрывать своё лицо.

Я хотел найти места, которые город бережет на особый случай. Обычно, на это уходит много времени – и всегда больше, чем ты можешь себе позволить. Но мне хватило и того, что после экскурсии, закончившейся на рыночной площади, я повёл своё семейство в сторону, которая не входила в маршрут нашего туристического гида. Город оказался намного шире, чем можно было представить. На какой-то момент, мне захотелось остаться здесь навсегда, каждый день придумывать себе новый маршрут, запас которых не иссякнет никогда, купаться в фантазиях, вызванных отнюдь не посторонними веществами, а исключительно собственными впечатлениями от новой главы своей жизни. И Штефану понравилось здесь – он сам сказал мне об этом, после чего у нас завязался такой длинный диалог, каких мы с ним не вели уже невообразимо давно.

Мы с Марией возвращаемся в отель, а Штефан сбежал, решив ещё задержаться среди таких уютных улочек и прекрасных памятников архитектуры. Меня радовало, что хоть в чём-то наши мысли нашли точки пересечения и его меланхоличный характер взбодрился в первый же день в Украине. Вот бы весь год был таким, как этот волшебный день – чтобы каждый город оказался таким же гостеприимным как Львов и чтобы весь год у случайных туристов не было времени на переживания и рутинные обязанности, как вовремя позавтракать или лечь спать, или не опоздать на работу. Многие туристы верят в исполнения желаний, если, к примеру, коснуться статуи, или бросить монетку в фонтан. Я загадал желание трижды и просил об одном: чтобы этот год пролетел как день, чтобы время перестало идти в привычном для нас ритме и пустилось в реактивный полёт, но только так, чтобы в конце пути, оборачиваясь назад и пролистывая исписанные страницы прошлого, мы не смогли бы прочесть ничего, что вызывало бы в памяти воспоминания о впустую потраченном времени, о тяжести судьбы или трещине в нашей семье. Одного дня – недостаточно, чтобы перечеркнуть все наши надежды. Пусть в Украине мы проведём всего один день.

3. Штефан

Надежда – куда менее надёжна, чем вера. В счастливые времена, человек переполнен верой в жизнь. В тёмные времена, ему остаётся лишь надеяться на лучшее. Но сама суть от этого не меняется. Без веры человек живёт, но не человеческой жизнью. Без надежды человек погибает.

– Gefällt es dir hier? – неожиданно спросила меня мама.

Нравится ли мне здесь... да что здесь может нравиться?! Может и понравилось, если бы она не спросила меня об этом. А так, я должен думать теперь, что она хотела этим сказать. К счастью, разгадав недоумение у меня на лице, следующей фразой она объяснила, что именно встревожило её – она заметила, что я за весь день не сделал ни одной фотографии.

Отец смотрит на меня с той стороны стола в ресторане гостиницы, разделяваясь с куском пирога, потягивая кофе с молоком, он проделывал всё это с таким шумом, что сложно было услышать собственные мысли.

Самой ужасной ошибкой за всю мою жизнь – было родиться в этой семье. На лице у отца, весь день напоминавшего грозовую тучу, теперь застыла какая-то странная улыбка, которая может появиться лишь у тех людей, которым не свойственно улыбаться. Я перевожу взгляд на маму – она всё ещё ждёт моего ответа.

У меня был фотоаппарат – не камера на телефоне, и не мыльница, а настоящий, полупрофессиональный, хоть и объектив на нём был слабенький. В Берлине я любил снимать если не постоянно, то хотя бы через день – всё, что казалось мне интересным и до чего только мог достать зум. А уж когда мы выезжали за город, то фотоаппарат вырвать у меня можно было только с руками – а затем, на просмотр сделанных снимков уходило времени едва ли не больше, чем на само путешествие. Но сегодня, ни одной фотографии я так и не сделал. Даже самому себе мне было трудно это объяснить – с мамой, которая только ещё больше напряглась, нетерпеливо вглядываясь в меня, говорить об этом было невозможно.

На помощь мне пришел отец. Спокойным голосом он обратился к ней: «Всё в порядке» и приобняв её одной рукой за плечо. Он посоветовал маме попрактиковаться в русском и не говорить по-немецки:

– Нас никто не понимает, – напутственно извлёк он из себя.

Моя мама, до этого казавшаяся спокойной и уравновешенной, после этих слов пришла в ярость, будто эти пару капель переполнили чашу её терпения. Она закричала по-немецки что-то грубое в адрес папы так, что голос её чуть не сорвался – в этом я мог её понять, не нужно было ему вести себя с ней как с девочкой. Маме не нужно, чтобы другие понимали её слова. Ей нужно, чтобы он понимал её.

К вечеру от её утренней фантазии не осталось и следа, и будто только теперь она поняла, где мы и куда идём.

Но мама – сильная. С той же скоростью, что она на доли секунды потеряла контроль, её непринуждённое выражение лица вернулось вновь, будто случайно сошедшая с петель маска сорвалась и в то же мгновение она вернула её на прежнее место. Что-то билось внутри мамы, и я не про сердце; но она точно не была из тех, кто не сумел бы себя перебороть.

Отец до сих пор молчал, пытаясь осмыслить её слова. Я отвлекся на десертную вилку, которой я собрал остатки торта и отправил их в рот, а затем снова поднял глаза на маму. Она выглядела в два раза моложе, чем ей в действительности было лет. Ей запросто удалось бы стать отличной женой талантливому художнику, фотографу или режиссёру – стоило только захотеть. У неё был редкий дар видеть в простых предметах то, чего никто не мог разглядеть, пока она не позволит взглянуть на эти вещи своими глазами. Она могла влюбить в себя любого творческого человека, заполнить кровоточащие пустоты в его таланте. Но стала женой моего отца.

На столе еды почти не осталось, а чек ещё не принесли. Я задумался, кем она была до того, как оказалась здесь, по ту сторону увеличивающейся с каждой секундой пропасти, отделявшей её от дома? Ни художником, ни режиссёром – точно нет; а фотограф у нас в семье один – только я. По крайней мере, она об этом не рассказывала. А говорила о том, как работала в офисе средних размеров фирмы и имела все шансы за семь лет работы на совесть получить вакантное место менеджера по продвижению или увеличению чего-то там. Но она оставила в прошлом старые обязанности ради новой работы, которой оказалась ещё более верной, чем старой. Это был Kindergarten. Есть люди, которые, повзрослев, возвращаются в детский сад, чтобы стоять по ту сторону манежных баррикад – у каждого своей мотив, но мне её было трудно понять. То ли это было безумие, то ли просвещение – она не любит говорить об этом. Но её личный выбор я не могу осуждать.

В те времена бизнес отца ещё позволял работать не много, отдаваться безделью и много путешествовать. Почему-то в моих мыслях история моей матери (да и отца) рано или поздно перетекает в мою. Сначала, просто упоминается о факте существования их общего ребёнка. Затем, он занимает всё больше места в их личной жизни. А затем, часто даже посреди предложения, понимаешь, что история одного человека была лишь прелюдией к жизни другого, который тоже, так или иначе, но сдаст свои позиции в пользу третьего, а затем четвёртого, начиная как главный герой, всё меньше и меньше заслуживая внимания, пока тихо не исчезнет со строк. Ведь истории не заканчиваются, кончаются только люди в них. Как, к примеру, у моего отца, выражаясь по-украински, урвался терпечь:

– Хватит с нас уже. Я пойду, расплачусь сам, ни то всю ночь здесь просидим. Идите в номер. Ох, и жирный ужин был – нужно было поменьше еды брать. В следующий раз, Штефан, я не дам тебе торт заказывать – ночь же за окном.

Номер в отеле. Одной этой фразы достаточно, чтобы повеяло свежим ветерком, а душа вдохновилась мыслями о предстоящих приключениях, обязательно интересных. По крайней мере, отель всегда казался мне таким светлым местом – где ничего надолго не задерживается, постоянно царит праздник, однако не мешающий покою, и время занято исключительно осознанием участия себя здесь, в путешествии. Вот только в номере было темно. Бессонница продлила настоящее, не давая сегодняшнему дню стать завтрашним. Родители мирно спали в обнимку на своей «double» кровати. Тем временем я качался из стороны в сторону на «single», меня бросало то в дрожь, то в пот от ночного летнего холодка. Для тех, кто не спит, есть лишь одно утешение – вдалеке за окном виднелись спальные районы Львова, выстроенные под линейку, с возвышающимися местами, новостройками, и сотни окон квартир были обращены в мою сторону. Я мог следить, у кого свет выключен, а кто так же не спит, занятый чем-то или просто не способный найти себе места и уснуть. Мирное мелькание живых огоньков людских домов мало меняется от положения на Земном шаре. Каким бы чужим ни оказался бы для тебя новый мир, в этом теплом сиянии никогда не будет вражды. И хоть это было время, когда я пересматривал все свои старые убеждения об отелях, путешествиях, да и вообще, о судьбе, я ощутил, что этот город, первый попавшийся нам по пути, желает нам счастливой дороги, куда бы она нас не привела. Покой, наставший после этой мысли, был первым звоночком к безумию, вызванным недостатком сна.

На следующий день, за завтраком, отец, полный сил, излучающий радость и восторг, сказал:

– А мне нравится эта страна, – прозвучало это буденно, и слова, будто не были обращены кому-либо лично, но имели двойное дно, от которого становилось не по себе, – цены низкие, люди добрые, да и вообще, смотри, как красиво здесь.

От разговоров по-русски у меня начинает болеть голова. В городе я старался сделать вид, что не понимаю ни слова на этом языке и говорил только на английском. Это сложный, нервный, капризный язык. Даже если ты учил его с детства, за семнадцать лет ты всё равно

напрягаешься всем телом, когда слышишь эту речь, а в голову начинают приходиться грубые мысли. Я ещё не сказал ни слова, но уже устал от этого разговора.

– А какой тебе кажется эта страна? Тебе уже удалось схватить её образ? – продолжает он.

«Схватить» – не помню такого слова. На ум, через несколько секунд, приходит «схватка» или ещё более диковинное – «схватки». Но что всё это должно означать – ещё попробуй разгадать. Что бы он хотел сказать, говори он по-немецки? Только так ещё можно расшифровать его речь.

– *Мы один день здесь*, – криво вырвалось у меня и даже этой фразы хватило, чтобы лишиться меня сил и воли продолжать этот диалог, надеюсь, с него хватит.

– Скажи ещё что-нибудь. Какой она тебе показалась за этот один день?

– *Львов – красивый. Мне хочется остаться здесь. Но мы едем вперёд и мне хотелось ничего запоминать – потому я, поэтому ничего не фотографировать. Мне хочется вернуться. Плохо жить с люди, которые не понимаешь и которые не понимаешь тебя.*

Иногда от таких длинных речей на русском кажется, что вот-вот потеряешь сознание. Не знаю, всё ли я сказал правильно. Но именно это он хотел услышать: что у меня на уме и как я думаю.

Он улыбнулся, отведя взгляд.

– Твой русский уже намного лучше. Это хорошо. Продолжай говорить на этом языке. Потом увидишь, как будешь на нём летать.

Хотелось бы мне в это верить.

Затем, он поднял глаза на меня, мягко, но настойчиво добавив:

– Ты слишком плохого мнения о нас с мамой. Это мы останемся там навсегда, не ты.

Он произнёс это быстро, но всё равно я понял всё. Насчёт мамы, отстранённо занятой своим кофе, не уверен – вряд ли она понимала слова, которые он говорил, но уж смысл в той или иной форме дошел до неё. Этот голос, спокойный, опечаленный, но непреклонный, она знала куда дольше меня, и понимала его лучше.

– Тебе вовсе не обязательно провести всю жизнь вместе с нами здесь, в Украине – ты и сам знаешь, что ты ни в чём не виноват. В Германию мы уже не вернёмся – тут я ничего не смогу сделать. И для тебя пока что там небезопасно. Но в отличие от нас, ты сможешь вернуться, если захочешь. Мы с твоей мамой будем только этому рады, *wirklich, Schatz?*

Я перевёл взгляд на маму – она моргнула, но ничего не сказала. Вместо этого, нетерпеливо сложила руки на коленях, показывая, что закончила с завтраком и что нам пора собираться в путь.

– Но пока этого не произошло, ты будешь жить с нами и твоим дядей Альбертом. Это не так страшно, как могло бы быть. И, в любом случае, ты будешь знать, что это – не навсегда. А впрочем, мы всего один день в Украине, правда? Говорят, что иностранцы в этой стране плачут дважды: когда приезжают и когда покидают её.

Его слова не были для меня новостью и я решил запомнить их. Но то, как он произнёс их, на мгновение лишило меня дара речи. Я собрался с силами и выдавил из себя ещё одно русское слово:

– Когда?

– Через год – мы поможем тебе вернуться в Берлин всем, чем только сможем. Ты ведь знаешь, что бы ни произошло, мы с мамой всегда поддержим тебя – уж такая у нас семья. Но сейчас, в эти трудные времена, поддержи ты нас.

Я кивнул. Подумал о том, как мне исполняется восемнадцать и я покидаю эту страну навсегда – как возвращаюсь домой. Не то, что бы я ненавидел Украину, но она будто претендовала заменить мне дом, похищала меня, не способная дать мне будущее – и за это я не мог любить её. Всего один день в Украине – на самом деле, он продлится целый год. Я знал, что год – это вовсе не вечность, но только что папа напомнил мне об этом. Эта страна и жизнь в

ней – всего лишь остановка в пустыне, после которой меня ждёт настоящая жизнь, дома. А затем, Украина останется только в воспоминаниях, если и её не вытеснят оттуда вещи поважнее, чем она.

И так, нас ждёт дорога – через всю страну, на другой её берег, противоположный край. У всех отправляющихся в путь есть свой ритуал.

Выйдя на улицу, я достаю из кармана зажигалку с берлинской автозаправки за девяносто девять центов. Носка старого кроссовка достаточно, чтобы сделать небольшой прикол в клумбе отельного сквера и бросить её туда вместе с ещё одной монеткой в один евро, после чего, притоптать ямку подошвой. Теперь, ритуал был соблюден. Я думал о том, как в этой земле, год за годом, будет лежать мой след, пока не превратится в прах, но до этого момента пройдет не одна сотня лет, и к тому времени я сам успею исчезнуть. Сколько таких следов люди оставляют после себя ежедневно, без всякого смысла?! У меня же была цель. Мой след был таким же маленьким и незаметным, как и моё присутствие здесь. И всё-таки, он был. В этом и было оправдание того, что я сделал – существование, простое и необъяснимое. Впрочем, идея этого ритуала пришла ко мне так же внезапно, как и всё, что попадает ко мне в голову – и не задерживается надолго.

– Schnell! – закричал папа, подчёркнув это слово звонким автомобильным гудком, – мы и так слишком поздно выезжаем. Ты ведь не хочешь, чтобы нам пришлось ехать всю ночь?!

– Да иду уже.

Тёплое июньское утро – и ничего больше не нужно. Забываешь даже, что едешь в доверху забитой машине туда, куда вовсе не хочешь попасть. Лёгкий ветерок и набирающее жар солнце дают почувствовать богатство момента, а обо всём остальном просто забываешь.

В списке контактов нового телефона не было ни одного номера, кроме мамино и папиного – связь с доставкой пиццы, одноклассниками и знакомыми на долгое время прервалась. Пустой список контактов, с которыми я смог бы связаться и полное непонимание, чем бы его заполнить.

Чем дальше наша машина продвигалась на восток, тем больше полей и лежащих на них городков и деревень открывались нам – мы проезжали через них и казалось, что очутились в прошлом веке, когда всё было намного проще. Ни лесов, ни холмов – только поля на земле, где с миром покоится степь. Сложно себе представить, какие люди живут здесь и как они не похожи на нас. Всё так странно, дико и совсем непонятно.

Глава 2 Июль

1.Штефан

– Штефан, я знаю одного психолога – он очень достойный человек. Учитывая все сложившиеся обстоятельства, давай сходим к нему вместе.

Жизнь Штефана когда-то была счастливой и безоблачной. Вокруг этого простого парня из Берлина ничего не могло предвещать беды. Но теперь, он имеет все основания называть себя другим именем – а то, вдруг, кто подумает, что Штефан из Запорожья имеет к тому Штефану, что из Берлина, какое-нибудь отношение. Он и не в Украине, но и не в Германии, он – «Штефан на перекрёстке».

Дядя Альберт мог предложить мне оплатить услуги психолога после того, как стал случайной жертвой одного из моих стихийных мыслепотоков. А мог и раньше предположить, что с его любимым племянником не всё в порядке, но отчего-то решил ничего не предпринимать. Это его молчаливое согласие со всеми моими внутренними демонами кончилось, когда я начал отзываться о себе в третьем лице. Затем, он услышал, как я называю себя «Штефаном на перекрёстке». Это стало для него триггером, призвавшим моего дядю к действиям, на которые, по его мнению, мои родители были не способны пойти. А ведь Штефан всего лишь хотел видеть мир теми же глазами, какими на него смотрят полмиллиарда европейцев, которым достоверно об этой стране известно лишь одно – она находится «там». Но случилось так, что Штефан очутился в Запорожье, в Украине. И там ему привиделось, что он распался на две части. Он не знал, что делать, что думать, что должна чувствовать каждая из его частей по этому поводу, а потому с убедительностью популиста мог заявить себе и всему миру, что ничего не знает о нём.

– Спасибо, дядя Альберт, но, пожалуйста, не сейчас.

– Как раз теперь тебе больше всего необходимо высказаться.

– Я понимаю. Но, насколько я помню, в этой стране не часто обращаются к психологам за помощью, а раз я здесь, то мне тоже следует научиться лечиться своими силами.

Тогда, я ещё не знал, насколько был прав – просто сказал наугад. Мне не было об этом известно, но я понимал, что к психологам в этой стране обращаются крайне редко. Переступая через них, люди здесь сразу записываются на приём к психиатру. Но я справлюсь – не позволю себе сойти с ума так просто, даже не давая произойти по-настоящему страшным событиям. Возможно, таким своим заявлением я поторопил их, но и встретить был готов.

Мы поселились в двухэтажной квартире дяди Альберта с панорамными окнами и комнатами, в каждой из которых можно было поместить ещё по две. В одной из них наша маленькая семья со всем своим неподъёмным скарбом полностью растворилась. Его апартаменты были лучшими во всём многоквартирнике, стоявшем неподалёку от главной артерии города – проспектом, широким и бесконечно длинным. В таких больших домах часто холодно, и душа, простудившись, медленно умирает, напоследок истошно вопя.

– Понятно. Но всё же...

– Нет, дядя, психолог не нужен.

На дворе июль – стоит только выйти на улицу, как тебя со всех сторон окружает жара и раскаленный бетон. Да и идти особо некуда. Вот я и не иду. Уже несколько недель прошло со дня нашего приезда, а я по-прежнему плохо ориентируюсь во всём городе, кроме нескольких соседних кварталов, которые удалось изучить только благодаря нечастым выходам за продуктами и круговым прогулкам. И я не думаю о том, что мне стоит обратиться к психологу, чтобы тот помог мне выйти за невидимые границы очерченной в мыслях территории – я боюсь того,

что он сможет убедить меня сделать это. А мне вовсе не хочется знать, что там. Города для меня не существует вовсе, мой мир заканчивается за углом.

– Ладно. Но моё предложение остаётся в силе.

– Как-нибудь им воспользуюсь.

– Честно?

– Не знаю.

Это вовсе не единственное, из-за чего дяде Альберту захотелось показать меня специалисту. Несколько дней назад родители поделились со мной своим решением, куда девать меня дальше – чем-то оно напоминало выбор между повешением и гильотиной – либо заставят доучиваться в одиннадцатом классе школы, либо отправят в колледж, суть которого в этой стране до сих пор мне не ясна до конца. Дяде Альберту не понравилось, как я отреагировал на оба варианта, поэтому предложил им свой – не делать ничего и оставить меня в покое. Разговор наш выглядел примерно так:

– И что нам делать?! – завёлся папа, пока дядя Альберт молчаливо стоял в сторонке, – ты не можешь весь год сидеть дома, пока твои ровесники учатся.

– Почему нет?!

– Потому что не можешь. И не будешь, – в своих решениях отец упрям как баран и не оставляет тем, кто ему сопротивляется, ни шанса, ни надежды увидеть в его словах хоть крохи смысла.

Тогда, я смирился с тем, что придётся выбирать одно из двух и отсек вариант, который меня сразу не устроил – школу. Я приходил в ужас от одной мысли, что придётся влиться в незнакомый для меня, уже сформировавшийся коллектив, где мне я буду чужаком. У вола больше шансов прижиться – и это не смотря на рога и помёт. Другое дело место, где никто никого не знает.

Родители оказались довольны и тем, что я решил поступить в колледж, но Альберт настаивал на школе. Мне просто не было, что ему на это ответить – разве что, спросить: для чего? Но я так этого и не сделал. Опустив голову, он какое-то время ещё постоял, а затем ушел, оставив меня наедине с родителями.

Июль, жара, полный вакуум вокруг. За всё это время я не услышал ни единого крика, ни жеста возмущения ни от кого из них троих. Вместо этого, дядя Альберт ответил мне собственным молчанием, невыразимо отличавшимся от моего; папа всё время грузил меня вопросами, в духе планов на будущее, а мама – у неё был собственный мир, свои заботы и я интересовал её только как существо, жизнь которого нужно сохранить – просто нужно – и никак иначе.

Долго так продолжаться не могло – эта атмосфера кого угодно выведет из себя. Не прерывая молчания, будто целую вечность царившего в нашем новом доме, я покинул их общество и стал собираться на улицу. Хоть дом и был моим убежищем, я дал понять родителям, что они и его сделали невыносимым для жизни. Во Львове я купил пачку сигарет, о которой долго не вспоминал, но теперь – достал и распечатал. Она стоила чуть больше евро – какие смешные цены. За свои прошлые карманные деньги я бы смог жить здесь как король. Когда окружающая среда действует на нервы и не даёт жить, остаётся только курить и думать о том, что всё могло бы быть намного хуже. Вовсе и не этот город был ужасным – наоборот, он оказался таким, каким я и ожидал его увидеть. Но я и подумать не мог, что мой мир окажется настолько тесным и однообразным в нём. Это напоминает скорлупу – внутри неё птенец в безопасности, но и выбраться, не утратив её безвозвратно, он не может. И постепенно, я становился каменным, как скала, а когда превращение закончится... неизвестно, что ждёт меня.

Несколько раз я прошелся вокруг дома, как заключённый по тюремному дворику, курил и слушал рэп – как звук времени, он уносил меня в старые времена на знакомые улицы, к своим друзьям. Он был на родном для меня языке, таким неуместным и диким, стоит лишь

вспомнить, где я нахожусь. Только затем, ещё немного простояв в нерешительности, я позволил себе вернуться домой.

Мысли у меня действительно были как у заложника в темнице – почти всегда ни о чём, с одинокими и редкими вспышками вдохновения, и мечтами о свете и свободе. Пытаясь не наткнуться случайно на кого-нибудь из родителей, я прошёл в ванную комнату на втором этаже квартиры и стал чистить зубы, чтобы смыть с себя запах табака.

Отца я встретил уже на кухне. Он хитро улыбался, радуясь собственным мыслям. Подняв на меня глаза, он сказал:

– Ты как раз вовремя, – после подобных фраз всегда хочется как минимум провалиться под землю, – мы нашли для тебя колледж.

– Уже?

2. Штефан

В одни счастливые вечера, солнце, опускаясь вниз, зажигает небеса. В одни грустные минуты, в плейлисте можно откапать старый любимый трек. В иные удачные моменты в интернете то и дело натыкаешься, скажем, на новый сериал, который затем смотришь каждый вечер, с нетерпением ожидая продолжения.

Кажется, что мир полон самых разных удивительных вещей. Но затем, думаешь, что всё седлано из одного и того же материала – атомов или чего поменьше. Видишь, что не случается ничего нового, а все события и люди вокруг неотличимы друг от друга. Все слова уже кем-то сказаны, а все закаты будто уже увидены. В конце приходит скука. Кажется, что будущее можно предвидеть, а что угадать нельзя, до того просто нет дела и... Но хватит о печальном.

Дядя Альберт готовился к своему дню рождения. И я начинал бы думать о своём, сложись всё иначе. У меня он был четырнадцатого, а у дяди – шестнадцатого июля. Всё говорило о том, что кому-нибудь придёт в голову идея отпраздновать оба праздника в один день и я ничего не мог с этим поделать. В мои планы уже входило не отмечать его вообще, по крайней мере, в этом году – мне казалось, что сложившиеся обстоятельства не располагают к торжеству. Да и в конечном итоге, не праздновать свой день рождения – это священное право любого человека, независимо от возраста. Но родители думали иначе.

Мои друзья остались в Берлине, все воспоминания и даже чувства остались там, так что, праздника из затеи Альберта для меня не выйдет. Но он не жил бы в такой квартире и не добился успеха вдали от дома, если бы не умел настаивать. Двойному торжеству быть – он говорил, что всему городу станет известно о воссоединении немецкой семьи, имеющей бело-русские корни, но в конечном итоге нашедшей свой дом в Украине. Событие должно было проходить в лучшем ресторане города. Он обещал устроить карнавал. Приглашены были полгорода: все его знакомые, даже те, кто давно уже живёт в Киеве и забыл этот город как страшный сон, и как по мне, очутившись в другом. И в ожидании своего двойного торжества, он называл его при всех и, уверен, про себя, «Рождеством в июле».

Пока дядя Альберт тратил свои бесценные минуты и часы на этот праздник, рассылая именнные приглашения, просматривая меню, занимаясь прочими мелочами, родители тоже не могли сидеть без дела, и сыграли свою роль в организации полнейшего хаоса вокруг. Все их разговоры были посвящены одной теме – колледжу. Вообще, я не сразу понял устройство образовательного аппарата в этой стране, да и сейчас сказать, что я в нём хорошо разбираюсь – будет сильным преувеличением. Но за время, что я здесь, мне многое стало известно. Если коротко, то в Украине университет и колледж – разные учебные заведения, хоть оба, в последнее время, считаются высшими. Только в первый поступить можно после одиннадцати классов школы, а во второй – после девятого или после одиннадцатого на второй курс. Сейчас в силу вступает образовательная реформа, согласно которой в школах будут учиться двенадцать лет, а не одиннадцать и поступить в колледж после девяти классов уже будет нельзя, но это всё дело многих лет и к моей ситуации отношения никакого не имеет.

В такой среде, в которой мне теперь приходится жить – хочешь, не хочешь, но выучишь это наизусть – так хотелось, только спросить забыл. В Германии я закончил двенадцать классов и перешел бы в тринадцатый, если бы не «мелочи», по которым новым домом для нас стал этот город. Здесь будто весь мир кружится вокруг меня одного, да так, что не убежишь и не спрячешься.

Всё было не так ужасно, по крайней мере, мне так казалось в редкие часы хорошего настроения. Украинский я тогда не знал и не понимал совсем, поэтому других перспектив, кроме как поступить в колледж, мне эта страна открыть не могла. А когда я узнал, что учебными считаются всего три дня, будущее перестало быть для меня таким уж и мрачным. Хотя, уже тогда

я знал, что и в эти три дня немногим своим будущим знакомым я буду попадаться на глаза – я буду незаметным и молчаливым, на такого нет желания обращать внимание. Об этом не думают заранее – а я и не думал, скорее, просто знал и для этого вовсе не нужно быть оракулом.

Не у одного меня в нашей семье были проблемы с украинским языком, но только я, видимо, не относился к ним всерьёз. Мама не знала ни украинский, ни русский, а если она станет говорить по-английски, то её поймут далеко не все. Только она по-настоящему чувствовала себя отрезанной от мира, и если я сам для себя выбрал заточение в огромной квартире дяди Альберта, то ей пришлось пойти на это из-за страха перед барьером, который неизбежно встанет между ней и внешним миром, стоит только раскрыть рот. Я решил, что выучу русский сразу, как окажусь в нужной среде – сварюсь как курица в бульоне. Маме же придётся пойти по другому пути и она сказала об этом нам – в ожидании праздника и поступления в колледж это было единственным, что действительно заинтересовало и удивило меня. Она решила учить украинский – и только его; по песням, стихам, книгам и фильмам. Её не хватит на два языка – так она и сказала. Пусть один из нас, скажем, папа, говорит только на русском языке; один говорит только по-украински – она, мама. Тогда, одного хватает на русский, одного на украинский. И есть я, которому, всё же, придётся разрываться между двумя языками сразу. В семье, включая дядю Альберта, мы говорим только на немецком. И с внешним миром, когда будет совсем уж тяжело, переходим на разговорный английский. Получается, что мы проводим черту не только между нами и миром, но и между друг другом. Мы говорим всем языковым барьерам и ограничениям: «Aus den Augen, aus dem Sinn» – с глаз долой, из сердца вон.

С невыразимой скукой пополам, на какое-то время, в этом доме воцарился мир и покой. Какое-то время, папа не ходил с таким лицом, будто ему на него выдавили килограмм лимонов. Дядя Альберт смирился с тем, что я не пойду к его психологу. Мама нашла своё Дао в украинской культуре, если видео на ютуб можно так называть. И в этой семейной идиллии лишь одному мне не удалось найти для себя нечто, что заняло бы моё время и не давало думать о том, как далеко я от дома и что назад просто так не вернуться, как бы того не хотелось. Меня это совсем не волновало, а точнее, у меня отсутствовало желание что-либо менять. А вот у моих родителей оно было – в этом был корень всех их проблем. Все мои траблы такие маленькие, что и не проблемы вовсе, а так, трещинки в небе, которые и заметны не сразу, но их солнцу и луне не перейти.

Чуть ли не каждый вечер мы с отцом ходили в маленький кинотеатр неподалёку от нашего дома. Это место не пользуется у местных популярностью, да и мы узнали о нём совершенно случайно – просто проходили мимо и решили зайти. Нас сразу поразила возможность сидеть перед огромным экраном вдвоём, в пустом зале, смотреть фильмы на большом экране, отбивая им ритм хрустом попкорна и платить за это обычную стоимость билета – меньше двух евро за одного. Мы могли ставить всё, что захотим – это была настоящая находка. Многие картины, которые я раньше видел только на немецком языке, теперь звучали по-русски. Отец верил, что кино и время, которое он мне выделяет, помогут мне быстрее влиться в новую жизнь и не сгнить на её обочине. Так ли оно было или нет, эти два часа вечером были самой лучшей частью всего дня – во многом из-за того, что каждый раз находилось нечто, что могло меня удивить и во мне просыпались давно забытые чувства: интерес и восхищение. Лучше могло быть только, если бы я ходил в кино с человеком моего возраста, а не втрое старше. Получалось, что и фильмы мы с отцом понимали по-разному. Будто весь мир вертится вокруг меня; и страдаю от головокружения тоже только я.

Каждому нужно нечто вроде таких походов в кинотеатр – что не причиняло бы неудобств, к чему легко привыкнуть, а затем не замечать; а затем осознать, что жить без него уже невозможно, потому что он стало частью биографии, частичкой самого человека.

Однажды я увидел там фильм, после которого мне не удавалось заснуть всю ночь – страшное, безысходное кино. Мне было трудно представить себя на месте главного героя – после

такого все мои проблемы казались такими мелкими и ничтожными. На следующий день, уже ближе к вечеру, хоть и не выпавшийся, я перестал жалеть себя и вышел из квартиры в подъезд, прошел к лифту, спустился вниз и вырвался, наконец, на улицу – рано или поздно это должно было произойти. Целый месяц я не мог решиться, вот так просто прогуляться по городу: увидеть центр, познакомиться с местной архитектурой и пейзажами – я убеждал себя, что мне это не интересно и откладывал эту прогулку на потом, и так день за днём. Но человек должен знать место, в котором живёт, даже если оно и выглядит как чужое.

Когда проходил мимо городской тюрьмы возле университета, стадиона и жилого квартала с бульваром, я подумал, что все они появились здесь не в одночасье, но теперь все эпохи слились в единую картину, так что одно без другого просто не узнать. Я не заходил дальше этой невидимой границы, хоть и находился по другую сторону тюремных решеток. Но теперь я перешел дорогу, чтобы узнать, что ждёт меня на той стороне. Каждый квартал будто строился разными архитекторами, но по одному чертежу. Вскоре, когда я вышел на главную улицу, я увидел, что дорога здесь непрерывно идёт вгору, будто сам город был выстроен на холмах. Особенно забавными мне показались машины – они словно скатывались по горке вниз, либо взлетали вверх. Здания на вершине для меня снизу казались очень привлекательными. Я подумал, что это и есть центр города. Но нет, оказалось, что он находится на следующем холме, ещё выше.

Солнце стремительно клонилось к горизонту, явно намереваясь за ним исчезнуть, когда как много чего оставалось непознанным, на что следовало бы пролить свет. Я надел наушники и включил музыку, которая должна была создать магическую, но не менее тёмную атмосферу вокруг меня, пока я продолжаю идти вперёд по этой бесконечной улице. И тогда, я увидел, как маляр разукрашивал стену какого-то дома в бежевый цвет; он показался мне художником, не менее значительным, чем Пикассо или Микеланджело. По мере того, как пропадал солнечный свет, зажигались тысячи маленьких огоньков – фонарей и фар автомобилей, в красных и жёлтых цветах которых я на миг увидел монстров из древних мифов, но это наваждение как появилось, так и исчезло, совершенно без моего участия, внезапно и таинственно. Подходящая музыка любой город может изменить до неузнавания, перекрыть его призрачными нитями с мастерством гениального кутюрье, превращающего старую одежду в изысканное платье. Ноги несли меня сами, а мысли приходили и уходили когда им вздумается. С настроением излечившегося смертельно больного, я во всём мог видеть только прекрасное.

Проспекту не было края. Поднимаясь на очередной холм, ожидая хоть там его разглядеть, виднелся следующий, ещё выше, ещё дальше. И всё же, этот город прекрасен – многое в нём я просто не замечал. Мало кто ходит в одиночку – все идут парами, все счастливы вместе. Но их радость не для такого как я – у меня есть своя. С каждым шагом вперёд расширялись границы непознанного, что только предстояло открыть. Даже если мои нынешние мысли – это всего лишь минутный всплеск эмоций, которым суждено исчезнуть – всё равно они стоят того, чтобы держать их при себе, как некоторые хранят у сердца Библию. Они носятся с ней целый месяц, грядущий год и всю свою жизнь. Так и мне хотелось пронести с собой это мгновение.

Если бы только можно было выбрать, в каком единственном моменте прожить сто лет, я бы выбрал этот. В нём было всё, чего мне так не хватало – красоты и смирения со своей судьбой.

Моя прогулка длится уже больше двух часов. Множество раз сменяли друг друга целые эпохи жизни города. Но я дошел до конца. Площадь и речной порт, а дальше плотина, соединяющая два берега, а немного слева – огромный остров. На тёмном полотне ночного неба, фонарные огоньки вырисовывают фигуры, по которым можно узнать свой город из тысяч. У самого края, я повернул голову назад: линия горизонта обрывался через несколько кварталов, но я помнил, сколько пришлось пересечь холмов, каким долгим был путь, прошедший всего

на одной улице, по обеим сторонам которой и вырос город. Впервые за долгое время, я мог быть доволен собой. Теперь, когда возвращаюсь домой, я знал, что худшие времена позади.

3. Альберт

Гости опоздали на двадцать минут, зато потом стали приходиться один за другим, кто парами, кто по трое, будто договорились встретиться заранее. Моя жена, как и положено приличной хозяйке, показалась гостям с небольшой задержкой. Она вышла со смущенным видом, будто внезапное нашествие гостей застало её врасплох, но растеряться не заставило. Мария действительно была не из тех жён, кто выходит к гостям с хлебом и солью на рушнике, но что-то в её постоянном образе притягивало и влюбляло в себя – не только меня, но и всех вокруг. Без единого слова, одними жестами и представлениями, мы предстаём перед публикой в облике благородных господ, хоть я, по правде, стою далеко от наших гостей.

Масса людей среднего и старшего возраста: все одеты по-праздничному, выдержанно и со вкусом, будто и вправду рождество без снега какое-то. Единственный – и это было заметно не вооруженным глазом, – кто натянул на себя защитную улыбку, выпадая из образовавшейся среды, выглядевший ни не к месту, был наш второй именинник – Штефан. Проигнорировав всех, пиджакам и платьям он предпочёл джинсы и лёгкую футболку и показался в таком, выделяющем его из толпы, виде. С первого же дня, что они здесь, мне хотелось, чтобы этот праздник был скорее для него, чем для меня; но сам Штефан на этот счёт имеет другое мнение и справится с ним сложно, как и заставить говорить мёртвого зайца.

И всё же, я был счастлив. Каким бы образом не уживались во мне и радость, и печаль, я не давал последней вылезти наружу и испортить кому-нибудь настроение. Много света, игристого вина и высоких гостей – любой почувствовал бы себя Гэтсби, вспомнив, что все эти люди собрались вокруг меня, по выдуманному мною поводу.

Среди людей я внезапно обретаю невидимую лёгкость, как рука, разрезающая торт с заду-тыми свечами. Я наливаю «Кьянти», пьяный от веселья так, будто выпил целую бутылку. Взяв чайную ложку, я призвал гостей к вниманию, ударив по бокалу несколько раз, пока его звон не стал отчётливо слышен во всём зале. Все взгляды обратились в мою сторону. Я же – совсем не мастер произносить речи или хотя бы тосты, но раз начал, то неловко будет молчанием и закончить. Именно этот момент я выбрал, чтобы вставить пару слов и чтобы меня услышали все – от Отто до Штефана. До их приезда я виделся с ними один раз в год или два. Теперь, мы снова семья и я могу обратиться к ним на языке нашего нового дома:

– Нет ничего в этом мире загадочней, чем наша судьба. Раньше, мне казалось, что если я хочу покорить её, то должен использовать силу. Но на Фортуна грубость никогда не производила впечатления. Она направляет нас лёгкими касаниями и плавными переменами течений, а иногда не брезгует ураганами и наводнениями, сбивающими нас с ног и разрушающими всё созданное непосильным трудом. И всё-таки мы движемся, и не перестаём удивляться. В Берлине, я и представить себе не мог, что появится женщина, которая изменит мою жизнь. Судьба привела меня сюда. Здесь я нашел своё место, здесь проживу и всю оставшуюся жизнь. Что бы ни случилось, она продолжается и каждый день приносит новые сюрпризы. Сегодня, праздник не только моего рождения, но и племянника, и всей нашей семьи, которая снова вместе. И, пока я никому не надоел своей речью, хотел бы посвятить этот тост не себе, старику, а Штефану, у которого все чудеса ещё впереди. За Штефана!

Часы застыли на отметке в десять часов и десять минут. Весь зал с воодушевлением поддержал тост и все вместе десятки людей повторили последние мои слова. Взглядом я стал ловить фигуру Штефана в толпе, где подросток в уличной одежде выделялся как красная повязка на белом снегу. Несколько раз я прошелся взглядом по собравшимся, но так и не сумел его отыскать. Ничего никому не сказав, он просто исчез. Я задумался о том, был бы он тем самым Штефаном, которого я знал, пусть и недолго, если бы остался, позволив обратить на себя внимание шумной толпы.

Произнеся обещанную речь, мои обязанности как виновника торжества становились чем дальше, тем скромнее и непубличнее. Захватив початый бокал вина, я опустошил его одним глотком и затем снова наполнил, теперь уже коньяком, и вместе с ним позволил себе оставить гостей одних и направился к служебному выходу, прекрасно зная, что меня ещё долго не хватятся.

Как я и ожидал, во дворе я встретил Штефана. Он не замечал меня, пока я не подошел к нему почти вплотную, а просто стоял, совсем не романтично листая всякую чушь в телефоне. Он поднял на меня глаза и тут я понял, что должен что-нибудь ему сказать, хотя бы самое простое «привет», но я будто разучился говорить и невыносимо долго мы так и простояли в молчании. Как же мне не хотелось начинать этот разговор! По его смущенному взгляду было видно, что ему тоже неловко и что он только и думает о том, когда это уже закончится. Но осознав нелепость своего положения и убедившись, что сказать мне ему нечего, он сдвинулся с места и направился в сторону двери. От него веяло слабым запахом дешевого табака.

– Постой! – крикнул я, – ты всё пропустишь. С минуты на минуту мы будем пускать фейерверки!

– Не люблю фейерверки.

– Очень жаль. А хоть раз в жизни, хоть один, запускал?

Он помолчал, после чего выдавил:

– Нет.

– У меня есть для тебя один. Таких где попало не достать. Пойдём, покажу.

Вернулись мы вместе. Мария распаковывала ящики с фейерверками, а гости столпились, помогая выносить маленькие ракеты на улицу. Но самая большая, особенная, лежала отдельно. Я вручил её Штефану с торжественным видом, который он, по-видимому, не оценил. Лишь немногие остались в зале. Остальные, прихватив с собой бокалы и весело шутя, разбились на группки по несколько человеку и принялись поджигать фитили, со звонким свистом отправляя ракеты одну за другой в воздух. Тридцатый... сороковой... Штефан стоял вместе со мной и смотрел на разноцветные огненные брызги, явно слукавив, когда говорил, что не любит фейерверки. Затем, когда шум немного поутих, я повернулся к нему и с улыбкой протянул коробок спичек.

– Наша – последняя, самая большая, – и, немного подумав, добавил, – попробуй представить, что время, за которое она подымится в небо – это год, восемнадцатый по счёту, ещё не законченный. Пусть это будет временем, которое ты проведёшь здесь. Подожги фитиль – это легко, но требует немного смелости и каплю упорства. И смотри, что будет дальше. Наверное, немного страшно, когда раздаются взрывы. Но от этого жизнь становится только ярче. Помни: тебе семнадцать, и человечеству – тоже всегда семнадцать лет, а значит, тебе нечего бояться – ты такой же, как и все вокруг.

Поднялся ветер. Я наблюдал за тем, как Штефан старательно пробует снова и снова, и только с пятой попытки ему удалось поджечь фитиль. Это зрелище немного подняло мне настроение. Как только искра устремилась к пороху, мы отпрянули назад и уже издалека наблюдали за ровным взлётом ракеты, быстрой как пуля. Она исчезла за тёмными вечерними облаками. Мне уже начало казаться, что взрыва не будет. Но с надеждой, мы оба смотрели вверх и ждали. Волна оглушающего шума последовала откуда-то со стороны небес. Все собравшиеся не успели договорить, как прервали все свои разговоры и вместе с нами подняли головы, поближе прижавшись друг к другу. Дождь из красных, фиолетовых, жёлтых и голубых искр обрушился на нас. Собравшись в огромный купол, они полностью загородили небо за собой. Описывая волшебные спирали, они исчезали в космогоническом танце, чуть не достигнув земли. Какими яркими были зрачки наших глаз в тот момент, когда вокруг пылали такие разные, непохожие друг на друга, но прекрасные искры, горевшие внутри каждого из нас.

Стоило последней горошине в небе угаснуть, как все собравшиеся взорвались воплями восторга. Они так были потрясены увиденным, что не могли подобрать слов, а лишь кричали, наполняя и опустошая лёгкие, чувствуя, как быстро бьются сердца в груди каждого из них. Один за другим они подходили ко мне, хлопали по плечу, обнимали и хвалили. Я улыбался и дружески приветствовал их в ответ. Всех их я знал, для каждого у меня найдётся пару слов. Но больше всего мне хотелось задеть за живое душу своего племянника. Я взглянул в его сторону. Это его праздник. Мне плохо даются слова и когда я хочу сказать нечто, желая вдохновить или ободрить на ум приходят лишь всякие глупости. Я не поэт, поэтому не делаю из своей словесной несостоятельности трагедию. Но именно в словах кого-нибудь близкого мы нуждаемся в часы, когда совсем не ясно, что происходит с миром вокруг. Даже если мои слова не нашли свою цель в его сердце, то хотя бы эта ракета выстрелит прямо ему в душу и взорвётся в ней огнями, без слов, но и без сомнений подскажет ему ответ на вечный вопрос.

– Дядя, – начал он, – это странно, но не найдётся ли у тебя зубной пасты? Мне захотелось почистить зубы.

Я улыбнулся.

– Какой хороший у тебя русский. Нет, зубную пасту я забыл в квартире, хоть обычно не покидаю дом без неё. Могу предложить жвачку. Сейчас... Вроде, у меня есть немного.

Я протянул ему пластинку. Даже когда фейерверки у нас кончились, а гости спрятались под крышей, мы продолжали стоять там и молчать. Мир вокруг Штефана теперь совсем другой, незнакомый, но жизнь – всегда стоит того, чтобы прожить её всю, до самого конца.

Глава 3 Август

1. Отто

Прошло несколько недель с праздника, который мы назвали «Июльским Рождеством» и последний летний месяц вместе с жарой принёс новую порцию волнений и тревог.

Сложно прожить в одном месте почти два месяца, так и не привыкнув ко всему, что с ним связано. Каждый день я узнавал нечто новое о стране, в которой мы теперь живём, о традициях и порядках, и всё больше о городе, в который начал меня удивлять, обнаруживая в себе то, чего я от него никак не мог ожидать. По мнению моей жены, больше всего меня должен был заботить поиск работы, будто сам я того не знал. Но не так-то легко человеку, всю жизнь занимавшегося одним делом, сразу заставить исполнять совсем другое, непривычное и неприятное, пусть даже ради тех, кого любишь.

Я взял у Альберта в долг немного денег – сумму, показавшуюся бы мне раньше смешной, но теперь от неё зависела наша жизнь. Части денег хватило, чтобы внести аванс за обучение Штефана. В этой стране колледж открывал свои двери для учеников, доучившихся девять классов школы; а сразу на второй курс можно было поступить после одиннадцатого, видимо, для тех, кто не сумел сдать экзамены. После трёхлетнего обучения, выпускник мог поступить дальше на третий курс университета по своей специальности или же на второй курс другого факультета. Мне сложно судить о справедливости такой системы, но в целом, она казалась мне довольно логичной. Впрочем, должен самому себе признаться, мне всё это не слишком волновало.

Штефан, как я заметил, тоже недолго думал, выбирая в какой из колледжей поступать – все они были для него не просто одного и того же цвета, но и оттенка. На выборе предмета мальчик решил сэкономить время, не растрчивая свои мысли попусту. Взяв в руки перечень специальностей самого ближайшего к дому дяди Альберта колледжа, он закрыл глаза, поднял указательный палец вверх, описал несколько кругов в воздухе, чтобы решение оказалось максимально случайным и ткнул им в раскрытый бюллетень, чуть не проделав в тонкой бумаге дыру.

– Вот это, – сказал Штефан, вряд ли успев даже определить, что именно.

– Туризм?! – воскликнул я, постаравшись сделать свой голос как можно более озабоченным, – разве есть такая профессия – турист?! И чему там ты только научишься? Пустая трата времени – туризм!

Я заглянул ему в глаза и понял, что все мои слова будут потрачены впустую – свой выбор он уже сделал. Впрочем, дела мне до этого было не многим больше, чем ему. Знание того, что по будням Штефан будет уходить из дома и возвращаться вечером, занимаясь чем-то, что может оказаться полезным и не противоречит общественной морали – для меня уже достаточно, чтобы сохранять чувство выполненного долга. По крайней мере это всё, что было в моих силах.

Я ценил попытки Альберта помочь мне с работой, но у него не было знакомых, которым подходил бы такой человек как я, даже на роль переводчика. Попади мы сюда на несколько лет раньше, было бы намного легче. В те годы у Альберта была своя фирма, положению которой я не смог бы навредить своей работой, а может даже оказался бы полезен. Но теперь братишка слишком стар, положение у него уже не то и совершенно оправданно он думает теперь больше о себе, чем о других.

– Главное – не переводить зарплату в евро, – однажды постарался он меня взбодрить, – тогда будет казаться, что получаешь сказочно много.

Поначалу я так и делал. Вот только нечего мне было переводить, даже в евро – работы не было никакой.

Я тоже старею, хоть и не в глазах своей жены. Как будто без того проблем мало, я каждый день замечаю, насколько я сегодняшний не похож на себя десять лет назад. Стоит ли говорить, что изменился я не в лучшую сторону? Достаточно мне раскрыть рот, как мой собеседник начинает зевать от скуки. Однажды Штефан даже сказал мне: «Где ты был, когда я в детстве не мог заснуть по ночам? Я бы чаще разговаривал бы с тобой перед сном». За такое я мог и обидеться на него, но это было правдой, поэтому я просто разозлился и отправил его в свою комнату, где он с радостью скрылся от меня до утра.

Нигде не ощущаешь себя заблудшим странником так сильно, как на чужбине. Перспективы здесь далеко не лучшие в Европе. Пролистав немного про экономику Украины, я подумал, что вряд ли буду зарабатывать больше, чем в студенческие годы, когда работал официантом в одном кафе на Фридрихтштрассе, не помню, как оно называлось, «Утомлённое Солнце» или как-то так. Эта мысль была грустной, но несла в себе и лёгкий аромат ностальгии, памяти о светлых временах, когда денег не было, как и сейчас, зато наивной веры в будущее – хоть отбавляй.

Моё положение и мировоззрения не раз успели встать с ног на голову с тех пор, да и не раз ещё успеют. Ещё совсем недавно я гордился тем, что мог сам обеспечивать свою семью, давая им всё, чтобы они не испытывали лишений. Я имел возможность проводить с ними много времени, в отличие от других глав семейства, которые продавали семейное счастье за успех в карьере – одна из самых невыгодных сделок, которые только можно представить, явно одно из изобретений Мефистофеля. Тогда, я мысленно наградил себя медалью «за мужества». Но получить звание мало, нужно его оправдать.

Одно радовало – за жену я не волновался. Целые дни она проводила в уходе за квартирой Альберта и изучением украинского языка в соцсетях. Она легче всего восприняла наше новое положение и смирилась с ним. Хотя, здесь лучше подходит слово «приняла», ведь смирение мы принимаем за слабость, а принятие – как мудрость. Не знаю, могу ли я позволить себе поступить точно так же. Мой долг – отдать всего себя заботе о семье. Как бы всё это не привело к другим проблемам – ещё большим, чем те, из-за которых мы навсегда покинули Берлин.

2. Штефан

Компьютерный класс, где проходили вступительные тесты по украинскому языку и истории, напоминал музей информационных технологий. Пузатые компьютеры с операционной системой 95-го года заставили меня задуматься над тем, что проснулся я в двадцатых годах, а уже к обеду очутился в девяностых прошлого века.

Как иностранцу, эти тесты я проходить совсем не обязан. Но девушка из приёмной комиссии направила меня сюда и я решил ни в чём ей не отказывать. Мне показали, как завести свой личный кабинет на сайте колледжа. Глядя на своё имя, написанное кириллицей, в окружении таких же еле узнаваемых украинских слов, я не справился с ощущением, что это вовсе не я, это кто-то другой, на чью страничку я наткнулся случайно. Оказывается, как мало нужно, чтобы ощутить себя совсем не тем, кем до этого привык считать – достаточно изменить алфавит.

Украинский – странный и смешной язык и для меня, уже привыкшего к русскому, он звучал примерно так же странно и необычно как французский в Берлине. Чтобы вступить в колледж нужно сдать экзамен по языку, который я не знаю – о лучшем я и мечтать не мог. Пока остальные абитуриенты сконцентрировано жали на стёртые кнопки клавиатуры и щёлкали мышками, я расслабился, совсем не обращая внимания на таймер в углу экрана. Глядя на новые украинские слова, я думал, что примерно так же некоторые взрослые разглядывают экзотических животных в зоопарках, куда приводят своих детей. Вроде как ничего нового – о существовании таких зверей мы подозревали, но сложно было скрыть любопытство, о существовании которого мы уже успели позабыть.

Половина текста переводу поддавалась, додумать вторую – труда не составляло. Но понимать вопрос ещё не значит знать на него ответ. Особенно это проявлялось в истории. Далеко не каждый день я попадаю в ситуацию, когда варианты ответа ещё более загадочны, чем сам вопрос. Прочитайте и скажите, при чём правлении было принято это соглашение: «...гетьман Військ Руських буде до кінця свого життя Гетьманом Військ Руських...» и так далее в том же духе. К историческим источникам у меня претензий не было – мне и не такое читать доводилось. А вот фамилия некоего «гетьмана» была чуть ли не сложным вопросом. Взять хотя бы «Хмельницкий». К букве «Х» в начале слова я давно привык и синдром «Кс», вводящий в ступор иностранцев давно обходит меня стороной. Остальная часть его фамилии навела меня на романтическую мысль о мельницах Голландии, которые мирно раскачиваются на ветру, пока вдали бушует море. В самом «Х» перед «мельница» было что-то вращательное, и беспокоило, как ветряки, которые вдруг перестали крутиться. От фамилии «Дорошенко» мне захотелось сладкого. Я уже пробовал и успел полюбить этот дешёвый, но вкусный шоколад с похожим названием. Вариант ответа «Тетеря» заставил меня похлопать себя по карманам – может действительно что-нибудь да я и потерял, но всё было на месте, поэтому я позволил себе пропустить его мимо своего внимания. А вот «Выговский» звучало почти так же грозно, как слова «выговор», «Говерла», «government». Для первого впечатления о человеке, которого не видел в лицо и не слышал раньше – достаточно знать его фамилию. И, как известно, самая первая мысль о ком-либо остаётся с ним навсегда в твоих глазах. Я без колебаний выбрал Выговского. А в родительном падеже это имя чуть ли не молнии пускает – «Vygovskogo», мурашки по коже. Стоило ли сомневаться, что ответ оказался верным.

Хоть решение теста и было для меня символическим актом, я сдал его на пять из двенадцати баллов, не зная наверняка ни один из ответов. Экзаменаторы наблюдали за нами очень вяло, чуть ли не зевали. По хорошему, схитрить мог каждый, но мне этого не хотелось. Подсматривать ответы из интернета – можно; но тогда бы исчез всякий азарт и интерес. Для всех вокруг я был своим – ни чем не выделялся, будто простой парень из Запорожья, молчит и сдаёт

тест на бал, не намного, а чуть-чуть выше среднего. Только в последнем вопросе я попросил помощи у соседа. Не то, что бы я в нём нуждался – это был всего лишь ещё один ход, чтобы справиться со скукой.

– Да я откуда знаю?! – возмущённо прошептал он, – я вообще не хотел сюда приходить, но сказали, что надо!

– Так что нам тогда делать? Отвечать на все вопросы наугад?! – я не смог сдержать смеха на этой фразе. Никто, кроме удачи, помочь мне с этим тестом не мог.

– Да не, кое-что я знаю. Ну, а всё остальное – придётся наугад. Лишь бы свалить отсюда поскорее. На четвёрку, думаю, уже написал.

Четыре из двенадцати – минимальный проходной. Этой оценки достаточно, чтобы двигаться дальше. Отстреляться и больше ни о чём не думать. На мгновение, в лице своего соседа я увидел всю страну, в которой теперь жил.

Он сдал на шестёрку – бал, о котором он даже не мечтал. У меня в графе «оценка» высветилась пятёрка. Я сказал ему:

– Ты хоть что-то знаешь, а я – вообще ничего. Я даже украинский не знаю. Этот тест сдать может действительно кто угодно.

– Ты не говоришь по-украински?! Что же ты тут делаешь? Дай-ка сюда, посмотрим, что ты там наотвечал.

Выхватив у меня из рук мышку и наклонившись, чуть не ложась мне на колени, он стал просматривать мой тест, обращая внимания лишь на вопросы, которые программа подчеркнула зелёным цветом.

– Ого, а ты решил задания, которые я не смог.

– Ну, спасибо. Для поступления на туризм этого достаточно?

– Идеально.

Так и прозвучало у меня в голове фраза: идеальный предмет для случайного выбора.

– А я поступил на отельно-ресторанный, – добавил он, – на второй курс. У нас близкие специальности, поэтому на парах мы будем видеться часто. Вообще, я решил поступить в последний момент, первое сентября через несколько недель.

– Первое сентября?

– Ну, первый учебный день.

– А, понятно. Ну, хоть я буду знать.

– Ну что, раз мы уже закончили, может, пойдём отсюда?

– С удовольствием.

– Ты как-то странно говоришь. Меня зовут Николай.

– Я Штефан.

– Иностранец, да?

Мой новый знакомый был широк в теле и примерно моего роста. Его тёмные длинные волосы были подстрижены под каре, а в мочке левого уха мелькала одинокая серёжка. Мне льстило, что по моему произношению и далеко не идеальному владению языком, он пришел к этой мысли спустя столько времени.

– Именно.

– Я так и подумал. Говоришь ты очень странно, как какой-то книжный персонаж. Давно учишь русский? У тебя хорошо получается.

– Спасибо. Я учу его одиннадцать лет. У меня была практика.

– А сам ты откуда?

– Из Берлина.

Несколько секунду он молчал, обдумывая мой ответ.

– Правда?! Ну, это круто, чувак, я ещё ни разу не встречался с немцами. Сюда – да ещё из Германии... Что ты здесь делаешь?

Он произнёс это с неприкрытым любопытством, отчего я невольно почувствовал себя музейным экспонатом, который пылился себе спокойно за стеклом, а теперь вынужден терпеть посторонний интерес к своей персоне.

– Я живу у родственников. Это на время. Я здесь всего на год, а затем возвращаюсь домой. Так получилось.

– До сих пор не могу поверить. Разве не круто, что я тебя встретил?!

– Не знаю.

Теперь он действовал мне на нервы.

– Прости. Я имел в виду, что ты из Германии, из Берлина, а поступил именно сюда, встретился именно со мной.

– Случается.

– Тебе очень повезло. Никто не покажет и не расскажет тебе об этом городе лучше, чем я. Ты давно здесь?

– Около двух месяцев.

– Ты уже много где здесь бывал?

– Не очень. Буду знать, что с тобой можно поговорить о городе.

Кажется, я немного разволновался и стал забывать слова. Если так будет продолжаться и дальше, любой ответ на его вопрос прозвучит как невнятный лепет сумасшедшего. Я будто врезался лбом о пресловутый барьер, которого раньше не ощущал так сильно. Да и вообще, с самого начала мне не очень нравился этот разговор.

Оказавшись на улице, мне смертельно захотелось подымить. Я достал из пачки свою последнюю сигарету и жестом попросил Колю дать мне прикурить, боясь снова запутаться в словах. Должен признать, что во всём этом не обошлось без желания произвести впечатление на своего нового украинского знакомого. Я хотел заставить его испытывать к себе интерес, хоть я понятия не имел, как тот относится к курению. Но всё стало ясно, когда я заметил, с какой охотой он достаёт зажигалку и услужливо подносит огненный язычок к краю моей сигареты. Вот я и забил очередной гвоздь себе в гроб.

После этого мой спутник достал початую пачку красного «Мальборо». Мне сразу стало легче находиться рядом с ним – людям с одними и теми же вредными привычками легче найти между собой общий язык. Выдохнув первое облако дыма, он кивнул в сторону обветшалого киоска на территории университета, который своим убогим видом резал мне глаза. Мы пришли к небольшой площадке под тентом за киоском с хот-догами и кофе. Она была обставлена пластмассовыми стульями, среди которых не было ни одного целого, и асфальтом, покрытым не одним слоем десятков тысяч плевков.

– Когда я утром пришел сюда, ребята сказали мне, что это университетская курилка – такое место для неформальных общественных собраний. По тому какая в шараге курилка можно судить и об университете в целом.

Не все его выражения я тогда ещё мог понимать. Но с наслаждением я подчеркнул и запомнил навсегда новое слово «курилка», узнать о котором было бы невозможно ни на одном из аудиторных занятий. Николай продолжал говорить, а я делал вид, что глубоко понимаю каждое его слово. На самом деле, мне было понятно лишь то, что разговор он ведёт о всякой чепухе. Я позволил себе промолчать на его замечание:

– Я сразу понял, что ты из курящих.

И покачал головой на его следующий вопрос:

– А у тебя ещё есть?

Мне казалось, что вовсе не скрывал того факта, что свою сигарету я достал из уже пустой пачки. А так, он завёл разговор в такое русло, в котором от меня почти не требовалось дополнительных комментариев, за что я был ему благодарен.

Не знаю, можно ли назвать «курильщиком» человека, достающего одну сигарету раз в три дня. Эту пачку я купил во Львове в первый свой день в Украине и только сейчас скомкал и выкинул в бак. Я курил лишь тогда, когда поддавшись моменту, настроение говорило мне, что не делать этого нельзя, что случалось довольно редко, поскольку и такие светлые минуты происходили со мной в последнее время не часто.

– А ты хорошо владеешь языком. Убрать немного акцент и говорить чуть более по-человечески, а не как персонаж из романа, и будешь совсем как мы.

– Это меня и пугает.

Он рассмеялся. Где-то я услышал, что высший уровень понимания языка, это уметь на нём шутить. Но достаточно взглянуть на эту «Курилку», чтобы понять – эта шутка была чистой правдой. Грязной правдой.

– Ну да, – сказал он, – Запорожье – не самый лучший город на Земле. Но привыкаешь. Некоторым он даже нравится. Ты хорошо ориентируешься здесь?

– Нет.

– Даже в центре?

– Я не нашел здесь центра.

Он снова рассмеялся.

– Так чем же ты занимался целые два месяца здесь?

Обычный мой день начинался где-нибудь с полудня. Я ел, пил, писал сотни сообщений в Берлин и читал ответы. Вечером мог выйти подышать свежим воздухом, поиграть, сходить с отцом в кино. Но это, в общем-то, всё.

– Да так, всё понемножку. Пока, я плохо понимаю, где что здесь находится. Правда.

– Тебе, наверное, очень хочется вернуться.

Я помедлил с ответом, затушив окурочок об стоявшую на мусорном баке консервную банку, служившую пепельницей, видимо, уже много лет, и старался не смотреть в сторону своего собеседника.

– Я бы, наверное, с ума сошел, если бы мне пришлось ехать в Запорожье, когда всю жизнь я провёл в Берлине, – говорит он, – ты слышал об этом городе раньше?

Я покачал головой и заглянул прямо ему в глаза. Они были янтарного цвета. Почему-то при встрече с новыми людьми я начинаю думать о них самое плохое, на что они только способны и каждый раз они меня только радуют – какие замечательные на самом деле эти люди. Вот и сейчас, мой новый знакомый не производил на меня приятного впечатление. Скорее, наоборот. Он напоминал молодого русского байкера – одного из многих, кто навещается в Берлин каждый год вечером восьмого мая, чтобы под утро совершить триумфальное шествие к памятнику солдату-освободителю. Правда, вживую я не видел их никогда. Зато слышал достаточно. Как известно, не нужно видеть человека, чтобы знать, как тому полагает выглядеть. И инстинктивно я думал о возможных путях отступления. А что – это никогда не помешает и неожиданно может оказаться полезным.

Вместо того, что бы и дальше держать его на расстоянии, мне вдруг захотелось ответить ему откровенно:

– Да, слышал, как некоторые слышали про Детройт или Кейптаун. Чем-то я определённо разозлил судьбу, если она отправила меня сюда... Надеюсь, я тебе не обидел, мне вовсе не этого хотелось.

– Всё нормально.

– Но не город – моя проблема. В Берлине у меня была жизнь. Переехав, неважно куда, я потерял всё. Тебе когда-нибудь приходилось терять то, что было дорого, что было частью тебя, без чего ты не мог себя представить? Теперь, нужно всё сначала начинать... Начинать сначала.

Я говорил медленно, вдумчиво, но всё равно путался в словах. Но меня успокаивало то, что слушал он внимательно, не перебивал и по крайней мере делал вид, что всё понимал. Договорив, я вздохнул с облегчением от мысли, что не ошибся тем, с кем можно об этом поговорить.

– Угу, – сказал он и задумался, – я понимаю. Но если это проблема, то её можно решить.
– Как?

Он не торопился с ответом. Я вдруг заметил, какой мрачной стала погода вокруг нас: тучи заполнили небо, с минуты на минуту угрожая обрушиться на землю дождём. Люблю погоду, которую другие называют «плохой». Очень хотелось курить. Я старался не думать о том, сколько мне ещё осталось ждать от него ответ, если тот вообще предвидится. Но вместо Николая мне ответило солнце так, как оно вообще может обращаться к земным обитателям. Внезапно, облака расступились. Стало так светло, что я зажмурился и вспомнил о существовании солнцезащитных очков. Как быстро здесь меняется погода. А может, это лишь затишье перед бурей?

– Мне не приходилось испытывать того же, что и ты, – наконец, сказал он, – но если существует проблема, то есть и её решения. Может, пройдемся? Тебе в какую сторону?

Я кивнул и выбрал направление, которое приведёт меня к дому, лишь проделав крюк вокруг квартала. Может, я не хотел показывать ему свой дом, надеясь, что мы разойдемся быстрее, чем дойдем до него или мне захотелось поговорить с ним подольше? Чем бы это ни было, мне уже не хотелось поскорее отделаться от него – может, я ухватился за возможность впервые за долгое время прогуляться с кем-нибудь? Впрочем, я не всегда поступаю строго следуя логике – бывает, что я просто что-то делаю, говорю, а потом наблюдаю за последствиями.

– Друзья называют меня Гоголем, – сказал Николай, – уже очень давно, я привык к этому. Ты тоже можешь. А тебе даже прозвище придумывать не нужно, Штефан – это уже нечто такое... Необычное. Хотя, что-нибудь интересное ещё можно придумать.

– Почему Гоголь?

– Из-за причёски, в основном, она со мной уже много лет. Но не только.

Он хитро улыбнулся и какое-то время ничего не говорил.

– Ты чем вообще занимаешься – в свободное время, то есть? Играешь во что-нибудь? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Интернет.

Я попытался вспомнить, чем любил заниматься раньше.

– У меня есть фотоаппарат. Раньше, я любил фотографировать. Ещё, я играю на аккордеоне. Да, когда-то я много играл, но всё это кажется мне теперь не интересным. Сейчас, я не знаю, чем занимаюсь. Но когда у меня был фотоаппарат – я об этом даже не думал.

– Знаешь, тебе очень подходит быть фотографом. Можем встретиться как-нибудь на днях, я покажу тебе пару прикольных мест, о которых мало кто знает. А затем, когда вернёшься обратно, будешь пересматривать фотографии и вспоминать Запорожье.

Я улыбнулся.

– Хорошая идея.

Это предложение внезапно пробудило во мне давно забытую жажду приключений, страсть ко всему новому, азарт человека с фотоаппаратом. Узнать мир, в котором я теперь живу с разных сторон, совершить открытие – это именно то, чего мне так не хватало.

– Дашь свой номер, я позвоню тебе, как это... на дне.

Он рассмеялся.

– Конечно, можешь звонить со дна когда угодно.

Я смутился. Что за странный язык...

Мы подошли к автобусной остановке. Он попрощался со мной, сначала по-русски, а затем решил сказать «Auf Wiederseh», но вышло у него так же, как для мой русский звучит для его

уха – хочется и смеяться, и сплюнуть. Затем, сел в «маршрутку» и уехал в направлении, куда я за эти два месяца так и не ходил, лишь смутно догадываясь, что там было: театр, рынок, собор, вокзалы, а дальше... В этом мире ещё так много неизведанного.

3. Гоголь

Я не люблю людей. Я люблю истории. Ночь больше дня, дождь больше солнца, зиму больше лета. Я не думаю о будущем – у меня его нет. Всё, что есть у меня – это здесь и сейчас. Обожаю каллиграфию, но пишу мелко, неразборчиво, чтобы кроме меня никто не мог прочитать. Люблю валенки, письма, поздравительные открытки, старые тетрадки с конспектами, домашними заданиями и рисунками на полях – всё, что написано от руки. Ненавижу масляные краски и кисти, ценю и уважаю только баллончики с цветными аэрозолями и рисунки, оставленные с помощью трафаретов на стенах, заборах и крышах. Люблю длинные волосы; или короткие, что бы их почти не было видно. Обожаю то чувство, когда катишься с горки: на санках, на скейте, на роликах в детстве, когда кричал не жалея связок, и сейчас, когда я молча катаюсь, внимательно вглядываясь в препятствия на дороге, но оттого не менее счастливый. Не люблю тех, кто легко идёт на поводу у других; тех, кто ничем не отличается от остальных. В них нет ничего интересного, с ними скучнее, чем дома без интернета. Люблю тех, кто не похож ни на что, что я видел раньше. Люблю разговоры всю ночь напролёт, смеяться до слёз, бежать пока не свалишься с ног, ехать без остановки. Я пишу книги, которые никто не читает. Я рано начал, но никогда не относился к себе как к серьёзному писателю. Своего голого тела я стыжусь меньше чем того, что пишу. У меня уже есть многое из того, о чём только можно мечтать. Наверное, единственное моё желание – чтобы каждый новый день не был похож на предыдущий.

Утром я вышел во двор в халате, тапках и чашкой кофе. Хорошо жить в своём доме, иметь собственный «бэкъярд». Каждое утро начинается именно так: сигарета, кофе и мой сад сорняков. Когда день только начинается и планов никаких нет – случиться может всё, что угодно. К примеру, сегодня, когда часовая стрелка не успела дойти до двенадцати и я только позавтракал хлебом с ветчиной, зазвонил мой телефон:

– Кто это? – сказал я, постаравшись выразить всё недовольство тем, что меня отвлекли от «важных дел».

– Guten Tag. Говорит обербанфюра Штефн Мюлла. В связи с присоединением вашего города к Магна Германии, всем гражданам будет выдан по личному немцу, для ознакомления его с городской территорией.

Не каждый день начинается с таких заявлений. Я улыбнулся:

– А, бро, это ты! Штефан, верно?

– Я, я. Твоё предложение всё ещё в силе? Подумал, что действительно долго ничего не фотографировал – ужас какой-то! Да и делать сегодня особо нечего...

– Конечно, бро, я не против встретиться. Приезжай ко мне, покажу тебе всё здесь.

– Скажи хоть, куда мне ехать. Как называется твой район?

– Космос. Знаешь как добраться?

– На ракете? – спросил он.

Я рассмеялся. Но было ясно, что в шутке его таилось серьёзное непонимание того, что я сказал.

– Ну, почти. На любой маршрутке, на которой будет написано «На Космос». Спросишь у водителя, когда будет остановка «ТРК «Космос»», выйдешь, а там уже я тебя встречу.

– Понятно. «Маршрутки» – это те маленькие автобусы, которые больше напоминают грузовые машины?

– Ага.

Как же всё это необычно. Объясняешь, казалось бы, простые вещи и забываешь, что существуют люди, которые просто не могли знать о них раньше. Я представил себе путь, который ему придётся проехать. Окраина, вызывающая у меня тёплые чувства, связанные с домом

и детством, ему, скорее всего, покажутся отталкивающими и дикими местами. Что и говорить, совершенно оправдано. Но проведи он здесь чуть больше времени и возможно, они тоже станут для него домом.

Я не торопился. Помог немного бабушке на кухне, а уже затем стал думать о том, что пора выходить. До остановки я дошел за десять минут и встретил его – парня с фотоаппаратом, ходящего кругами по кварталу. Он производил странное впечатление. Да что там, прохожие наверняка приняли его за какого-то помешанного. И только я знал, что он – просто сумасшедший иностранец, существо в этих местах настолько редкое, что о его существовании даже не вспоминают.

Я подошел к нему. Докуренную лишь до половины сигарету он затушил о мусорный бак, выкинул её и лишь затем пожал мою руку.

– Долго ждать пришлось?

Оказалось, он уже пятнадцать минут как здесь.

– Привык приходить вовремя. Приезжаю как немецкие поезда, только всегда вовремя. Далеко не все немцы такие, как о них думают. Но я уж такой, какой я есть.

– Ага, хоть убей, не перевоспитаешь, – пробило меня на смех, – здесь, с такой привычкой тебе придётся много ждать. У нас время встречи говорят приблизительно: «когда солнце будет в зените» или что-то вроде того. Ну ладно, чего уж там, пойдём, я уже примерно представляю, куда нам нужно идти.

4. Штефан

На мой взгляд, маршрут он выбрал не самый подходящий. Пятиэтажные малогабаритные дома, с выпирающими на дорогу пристройками, школы и детские сады во дворах, ржавые качели, ленивые прохожие и неторопливые автомобили, бары, магазины и ломбарды, работники которых знали всех жителей окрестных кварталов. Всё было пропитано скукой, которая ощущалась вокруг, в каждом встречном, в самом себе. Впрочем, этот день мог пройти намного хуже. В конечном итоге, никогда не обещал, что новые миры обязательно должны быть волшебными. Они такие, какими их видят сами обитатели. Я легко мог представить, как десятки тысяч людей проживают здесь день за днём, в пределах двух-трёх перекрёстков, годами не покидая пределы очерченных ими границ, и имели в этой жизни всё, проживали их на полную. Космос был для них всем, и хоть произносилось название своего района, они не вспоминали о смысле, который был заложен в это слово, оно выражало именно ту маленькую вселенную, в которой происходят их жизни, и сами они были мельчайшими частицами по сравнению с ним.

Любой человек, смотрящий на мир с широко раскрытыми глазами, видит десятки пронесшихся мимо кадров в секунду. И каждый не похож на предыдущий. Десятки новых картин за одно мгновение. Удержать в памяти каждую грань своей жизни – невозможно; да и нужно ли? Почти ко всему, что мы видим вокруг, мы по большому счёту равнодушны – смотрим, но не видим; видим, но не замечаем. Очень немногие способны лишь своим видом заставить обычного человека по-настоящему испытать счастье, страх, изумление. Мы не запоминаем, не уделяем время памяти и бессовестно расточительны к воспоминаниям. Настоящее – это даже не секунда, а сотая её часть. Мир успевает измениться бесчисленное количество раз, пока мы даже не успеваем моргнуть. И лишь фотография – это способ запомнить реальность такой, какой она была когда-то.

В тот день я успел сделать сотни снимков. Во многих не было никакого смысла, никакой истории – был лишь объект и окружавшая его, случайным образом сложившаяся, композиция. Я специально просил Гоголя подождать, пока я зайду в очередной двор и осмотрю каждый дом. Мне самому не было ясно, что за мания возникла у меня на ровном месте. Он терпеливо ждал, затем шел, обсуждая со мной что-то, а после сам себя прерывал на полуслове, пока я снова не обойду вокруг очередного квартала с фотоаппаратом у лица.

Мне хотелось отблагодарить Гоголя за терпение, с которым он обошелся со мной. Не знаю, как бы я повёл себя в любое другое время, если мой новый знакомый через каждые десять шагов убежал в сторону, гоня голубей, забегал во дворы и переходил с одной стороны дороги на другую, чтобы фотографии получилась с разных ракурсов. Меня самого такое поведение очень быстро вывело бы из себя, а его нет, мой космический спутник держится молодцом. А может, Гоголь просто в это время смеялся надо мной, а потому не заморачивался над тем, чем себя занять. В любом случае, собеседником я был неважным: говорили мы о Германии, Украине, но отрывистыми фразами и о всякой чепухе, которая была у них общей или разной. Я и не нуждался в собеседнике – я полностью посвятил себя своей мании и пребывал в творческом экстазе. Если есть хоть капля, хоть щепотка вдохновения, то всё остальное в этом мире перестаёт быть важным. Хоть я и нащелкал немислимое количество снимков, я с осторожностью и вниманием относился к каждой. Фотография – это искусство воспоминаний, след навсегда ушедшего момента, и она не прощает пренебрежительного отношения к себе. А Гоголь в это время, обычно, стоял в стороне, курил одолженные им у меня сигареты и следил, как бы мы не сбились с маршрута, чтобы я не заблудился или не попал в неприятности. Когда он видел, что я начинал уж слишком заигрывать, он подходил ко мне, клал руку на плечо и тряс, потирающая меня и вразумляя, пока я не приходил в себя и не шел дальше. А затем, я неизменно, и точно так же увлекался вновь.

По словам моего проводника по дивному новому миру, эта часть района был самой безопасной, по ней спокойно можно прогуливать даже по ночам. Если, конечно же, не навещать в каждый встречный двор, как это делал я. Квартал, где он жил, находился в глубокой яме и опасным он был иногда даже для прогулок при свете дня. Именно эту часть Космоса он намеревался показать мне с самого начала. Мы прошли заброшенный комбинат и очутились в частном секторе. Над ним возвышались редкие островки панельных многоэтажек, стены которых словно сияли, укутанные солнечными лучами. Северный и южный входы в этот квартал загородили заводы. По всему периметру он был огорожен от всего остального мира труднопреодолимыми естественными и искусственными препятствиями, проходить через которые было либо опасно, либо крайне неприятно: мусорные свалки, гаражи, пустыри, заброшенные дома. Это была не фавела, а скорее деревня в черте города. Даже заблудившийся путник был здесь редким зверем и попасть сюда мог только с помощью проводника. Но мой спутник жил в самой комфортной части этого мира – на Антарктической улице, располагавшейся параллельно улицам Юности, Радио и Ракетной. Домов на ней у него было целых два: в одной был бесконечный ремонт, а другой пока что пустовал и он предложил мне зайти к нему на обратном пути. А пока, он вёл меня всё дальше, пока дорога не кончилась обрывом.

Всё время, что он вёл меня, мы спускались вниз, но теперь будто очутились на вершине. Слева открывался вид на девятиэтажки Шевченковского района, а прямо у нас под ногами расположился целый город, с улицами, площадями и перекрёстками, состоящий из сотен гаражей. А вдалеке – чёрные заводы, с тянущимися к небу трубами и вздымающимися к нему клубами дыма. Вдалеке виднелся ещё один квартал девятиэтажек, скрытый за пустырями и частными домами.

– Вон туда, – указал на них Гоголь, – я не советую ехать никогда.

– Ты был там?

– Это мёртвый город. Он не относится ни к одному из районов. Если бы я был там, то вряд ли бы вернулся.

– Там живут люди?

– Да, только я не знаю, кто они, раз до сих пор живут там. Это даже не всё равно, что обитать на другой планете – это жить на астероиде. Там почти никого не осталось.

– Почему он – «город мертвецов»?

– К нему долго и трудно добираться. Люди покидают его и большая часть домов пустует. Это самое непригодное для жизни место в городе. Те, кто остаются там – всё равно, что мертвецы, живущие в своём склепе.

– Ты был там?

– Нет. И ни одна живая душа меня туда не затащит, по крайней мере, пока не найдётся надёжного проводника.

Я обдумывал сказанное им. В Берлине, иногда, мне приходилось бывать в подобных удалённых местах, к примеру, в Штаакене или в Шпандау, но никому и в голову бы не пришло называть это место «городом мертвецов», скорее, просто районом с выгодными арендными условиями.

– Я так понимаю, – улыбнулся он, – в Берлине совсем другие взгляды на жизнь, чем здесь.

– Не знаю. Но это место – переворачивает их с ног на голову.

– Жизнь здесь, если хочешь знать, это как квест, задача которого найти выход. Цель жизни – это выбраться отсюда. Но не для меня. Мне здесь нравится, меня в жизни всё устраивает. А вот многих других – нет.

– Всем кажется, что «по ту сторону» жить лучше. Но там тоже тяжело.

– Там люди богаче.

– Богаче вас, но такие же нищие. Для нас деньги имеют ровно такое же значение, как и у вас.

– Там люди свободнее.

Я уже было открыл рот, но не стал ничего говорить.

Мы простояли там минут двадцать. Я никак не мог насмотреться на открывшиеся мне виды, не мог насытиться ощущением, что мой старый мир трещит по швам, а его место занимает новый. Мы выкурили ещё по сигарете, а затем направились в дом его бабушки и дедушки. Там он угостил меня конфетами и включил телевизор. Тогда, я впервые увидел «Футураму» не на немецком. Его дом был таким маленьким, тихим и уютным. Я наслаждался атмосферой и думал, что украинский – такой смешной язык, но мне не составит труда вскоре его выучить. Досмотрев серию, я взобрался по лестнице во дворе на черепичную крышу и сделал несколько снимков оттуда. Солнце как раз садилось за горизонт и щедро одаривало стены соседних домов своим светом. Затем я с радостью стал пересматривать получившиеся кадры – в них было столько тепла.

Перекусив хлебом с ветчиной, Гоголь сказал, что проводит меня до дома самым коротким путём – через гаражи, честный сектор, рынок и мусорную свалку. Он сказал, что это будет увлекательное путешествие, которое придётся мне по душе, раз мне так понравилось всё, что он мне показывал. Это были самые настоящие задворки космоса, ничем не прикрашенные и правдивые места этого города. А значит, они заслуживают быть увиденными, пусть и только для того, чтобы больше не видеть их никогда. Я вынужден был согласиться, хоть и вдохновение у меня почти иссякло, я устал от этого района, впрочем, и от всего остального.

Дальше, я почти ничего не фотографировал – камера просто висела у меня на шее, покачиваясь в ритм моим шагам. Я не мог дождаться, когда же вернусь домой. Гоголь как мог развлекал меня разговорами о том, о сём, о Запорожье и местах, где никогда не бывал. Внезапно, он уверял меня, что вести нормальную жизнь здесь – невозможно и что его любовь к этому месту – классическое проявление Стокгольмского синдрома. Я же наоборот, пытался убедить его, что это не такое уж и гиблое место, и что в других странах жизнь никак не лучше. Я представил себя покупателем, который нахваливает товар, пока продавец перечисляет его недостатки и утверждает, что это тот ещё хлам. Хотя, здесь почти нечему было удивляться, особенно учитывая окруживший нас безумный мир.

Так и не придя к соглашению, мы дошли до рынка и купили по банке пива. Повеселев, мы выкурили ещё по сигаретке, смешили друг друга и смеялись хмельными слезами. Мне нравилось просто идти, разглядывать индустриальные пейзажи, двигаясь от окраины к центру, курить, смеяться и осознавать, что ни одна мрачная мысль не может задеть меня. Какие волшебные мгновения, ради которых и стоит жить.

Я и не заметил, как мы оказались прямо у меня под домом. Мой спутник улыбнулся на прощание и прежде, чем скрыться внутри одной из отпавлявшихся одна за другой маршруток, сказал:

– Ещё встретимся. Будет, что вспомнить вместе.

– Ага, спасибо. Пока, Гоголь.

Я направился в свою огромную квартиру, встретил грустно улыбавшегося мнедядю Альберта, скучающего от безделья. Прошел мимо мамы, сидевшей с планшетом на диване в наушниках, увлечённо что-то читавшую и даже не заметившую моего появления, и отца, вечно чем-то озабоченного, редко появлявшегося в доме и то, лишь в роли безрадостного призрака, никак не находящего себе покоя на этом свете. Глядя на него, я вспоминал, кто мы и в каком положении оказались. Я заговорил с ним, а он отвечал, будто находился сейчас в другом месте. Так или иначе, мне тоже придётся столкнуться с заботами о своей семье, с целым рядом несчастий и разочарований.

Отец окликнул меня, но я вовремя скрылся в ванной, включил воду в кране и стал чистить зубы, чтобы избавиться от въевшегося в меня табачного запаха. Глядя на своё отражение в зеркале, я думал, что сегодня уже ничто не сможет испортить этот день. Тем более

что он почти прошел, настал вечер, а за ним вслед придёт и ночь. Я мог только надеяться, что она скроет под своим покровом все заботы, а несчастья и проблемы развеются, как во тьме исчезают тени.

Глава 4 Сентябрь

1. Штефан

Проснулся я в чужом доме, рано утром, от назойливого звона будильника в кармане штанов. Его звуки раскачивали меня из стороны в сторону, усиливали головную боль, возвращали меня обратно в жизнь, где были только скука и усталость – страшная пытка. Не в силах раскрыть слипшиеся глаза, я на ощупь нашарил телефон под одеялом и обеззвучил его. В обычное время, я бы просто лёг спать дальше, забыв об этом неприятном эпизоде. Но проснувшись один раз – заснуть уже не удастся. Меня сразила сухость во рту, боли в горле и голове. Я ощутил страшную вспышку гнева – я был не свободен, казалось, вот-вот закричу, но мои голосовые связки заросли мхом. У меня не было выбора, я мог только встать с кровати и выйти в этот мир.

Сон – это маленькая смерть. Глубокий и крепкий как тройной эспрессо, он продлился всего несколько мгновений. Проснулся я ещё более усталым, чем когда ложился. Поднимаясь, я обнаружил чью-то руку, уже давно лежавшую у меня на животе, ни то случайно соскользнувшую, ни то приобнимавшую меня. Это был один из знакомых Гоголя – ни то Славик, ни то Ярик – а может вообще Иван. Ничего, что мы заснули вместе – вот только, что его рука забыла на мне? Я брезгливо отодвинул её от себя, осторожно, не то вдруг разбужу его. Но утренний незнакомец спал, будто убитый. Как и я, совсем недавно, он видел свои пьяные сны, которые забываешь, стоит лишь открыть глаза и вернуться в трезвый мир.

Раскрыв глаза и не моргая, взглядом висельника я стал искать свою футболку. Прошло несколько мучительных секунд, прежде чем я нашел её в груди бутылок. Как она оказалась там? Вся в пятнах, от неё за несколько метров несло выпивкой. После такого даже на тряпки пустить её было нельзя – только сжечь. Мысли в моей голове состояли исключительно из грубых слов, как это ни странно, почти все они были русскими. Но так и не найдя себе выхода, они слились в один пронзительный стон. Склонив голову набок и жалостливо разглядывая свою любимую футболку, я решил оставить её в этой зловонной куче навсегда.

Переступив через мучительную усталость, я добрался до раковины, где промыл себе слипшиеся глаза и промочил горло. В моей памяти навсегда засел металлический вкус лившейся оттуда жидкости. Было ещё рано – не больше пяти часов утра. Разглядывая скупую струю воды из-под крана, я думал над тем, почему поставил будильник на столь ранний час – почему мне было просто не дать себе отоспаться после такой бурной ночи? Тогда я вспомнил, что сегодня вторник, а не воскресенье. Я остановил поток мутной воды, а вместе с ним на какое-то время остановились и мои мысли.

Я обещал не прогуливать пары, что бы со мной не произошло. Нужно было найти Гоголя и заставить его пойти в колледж вместе со мной. У нас было всего три учебных дня: по вторникам, средам и четвергам, а он не появлялся даже в эти дни.

Среди мёртвых тел, отсыпавшихся после убойной вечеринки, его не оказалось. Видимо, проснулся раньше всех, если вообще засыпал, и ушел к себе – одному чётко известно куда. Махнув рукой, я решил, что разберусь с ним позже, а пока лучше не терять времени зря. До начала пар я должен был вернуться домой, помыться, перехватить что-нибудь на завтрак, переодеться и самое главное – принять что-нибудь от болей в голове, животе, горле и душе. И пусть весь путь до дома, по прекрасной солнечной погоде, мне придётся пройти без футболки. Одолжу что-нибудь в шкафу, надеюсь, хозяин дома, кем бы он ни был, окажется не против – чего стоит одна футболка в сравнении с тем, как сильно я хотел вернуться домой.

По всему дому разбросаны старые книги, которые никто не раскрывал с тех пор, как они появились на свет. Развешенные иконы православных святых и Иисуса Христа на пожелтевших

стенах среди этого бедлама выглядели так же неуместно, как сырое мясо в кондитерской лавке. Но что дыра, что роскошный особняк – всё подходит для курения кальяна, лишь бы тот был дымным, а компания весёлой. Даже этот притон, когда в нём смеются, лучше, чем дворец, в котором плачут, если только это не угарный смех сквозь слёзы. А детали интерьера – всего лишь мелочи, на которые даже не стоит обращать внимание.

Наконец, я надел на себя футболку «Off-White» за десять евро с местного рынка. Придя в себя, я ощутил себя свежим и живым, как никогда – не стыдно даже выйти в люди. И хоть здесь не было живых людей, для самого себя я выглядел неплохо.

Из-за угла показался Мартин – ещё один выживший. Ничего общего с немецким философом он не имел, как во внешности, так и во взглядах на этот мир, но все звали его Хайдеггером, даже те, кто никогда и не слышал о «Времени и Бытии», и мало кто помнил, почему. Бывший одноклассник Гоголя, он учился на физико-математическом факультете. Жажды ко всему пьянящему в нём было больше, чем у историков и геологов, но не сильнее, чем у чистых математиков. То ли он вышел из своей комнаты только что, то ли стоял там уже давно и смотрел, как я с обнажённым торсом перебираю груды футболок в хозяйском шкафу – я уже не узнаю, да и всё равно. Выглядел он куда лучше, чем я. Мне было не так одиноко в его присутствии – не одному мне не спится с утра и не мне одному хорошо.

– Доброе утро, Гёте.

Имя придумал он. Сказал как-то раз, и все запомнили сразу. Я не возражал. Даже немного гордился тем, что есть у меня что-то общее с великим поэтом. Не всем так повезло.

– Холла, Хайди.

– Чего это ты так рано?! Часов до двенадцати здесь ещё можно отоспаться.

– У меня пары. Опаздывать не хочу.

Он не выказал удивления, хоть и заметил:

– Хорошая у тебя память...

– А ты?

– А я на пары не спешу.

– Не спишь чего?

Он пожал плечами.

– Курить захотелось. Со мной всегда так. Выпью больше всех, а затем, проснусь и хочу среди мёртвых тел, чистый, как стекло, и мечтаю только о табаке.

– Тогда, может, проводишь меня? Если тебе не сложно, не хочу идти один. И заблудиться могу. А тебе, вроде, тоже здесь уже нечего делать.

– Не знаю, Гоголь разве отказался?

– Он ушел, разве нет?

– Странно. Не попрощался. Вот скотина, всегда так. И не пил почти. Ладно, дай только собраться.

Я пообещал подождать его на улице и вышел во двор. Солнцу всё было нипочём – светило, будто издевалось надо всеми. Но не надо мной. Я был с ним на одной волне и готов был даже улыбнуться, чтобы окончательно прийти в себя и начать новый, спокойный день.

Выйдя во двор, сразу натыкаешься на стол, который когда-то давно был бильярдным, но во время дождя превращался в лужу на ножках, а в обычное время служил местом для бутылок, стаканов, кальянов и самодельных аппаратов из верхушки пластиковой бутылки и кастрюли с водой, пока всё это не перекочевывает внутрь. В общем, от этого стола лучше держаться подальше, если хочешь подольше простоять на ногах. Но бояться стоит вовсе не стола, а людей, которые вокруг него собираются. Я всегда переходил дорогу, когда встречал перед собой таких ребят, пока не стал одним из них. Теперь я приходил к ним в гости, знал их имена и истории, а бывало, что они приходили ко мне сами, а дальше лучше не загадывать наперёд, потому что произойти может всё, что хватит смелости вообразить.

Этим утром, среди мокрых от вчерашнего дождя бутылок, на нём, как ни в чём не бывало, сидел Гоголь, докуривавший бычки из пепельницы. Улыбнувшись, он помахал мне рукой, крепко сжимавшей фильтр двумя пальцами.

– Привет, значит, вы тоже пережили эту ночь. Я уже думал, что один остался.

За моей спиной стоял Хайди, одной рукой сжимая ремень рюкзака, а другую спрятал в карман.

– Привет, Гоголь.

Он спрыгнул со стола и щелчком отбросил окурок в сторону.

– Вы уже уходите? Подождите, дайте собраться, пойду с вами.

– А Дима где?

Так звали хозяина дома и главного организатора вчерашнего мероприятия, но точно я не помню.

– Спит, наверное, в каком-нибудь углу, – пожал он плечами, проходя мимо Хайдеггера и открывая дверь, – никуда он не делся. А как проснётся – так ванная будет занята часа на два.

– Ты даже не сможешь ему здесь всё убрать? – пошутил Мартин.

– Да там полно ещё народу. Кто поздно проснётся – ну, тому не повезло. Я пойду только рюкзак заберу. Честно, я только и ждал, пока кто-нибудь проснётся. Очень не хотелось идти домой одному.

2. Гоголь

Солнце над этим невзрачным миром поднялось совсем недавно. Окружающий пейзаж вполне мог служить декорациями для фильмов старого Хаяо Миядзаки – всё такое простое, и вместе с тем пугающее и прекрасное. Такое чувство, что вот-вот что-то да произойдёт – и обязательно что-нибудь волшебное. На мне была осенняя куртка и тёмные очки – всё для того, чтобы чувствовать себя в такую погоду превосходно. А вот Хайдеггеру и Штефану приходилось то и дело жмурить глаза от солнца и постукивать зубами. Да, этот день заставлял многое от него ожидать.

Мы прошли мимо перекрёстка: одна дорога вела в сторону Космоса, другая завела бы нас глубоко в гиблый Шевченковский район; наконец, третья, далеко не самая очевидная, проходившая через дворы и переулки, привела бы нас напрямик к дому Штефана. Вряд ли он сам знал об её существовании, а если и догадывался, наверняка бы заблудился. Интересно, разглядел ли наш Гёте особую красоту и уют в этих местах? Они вряд ли когда-нибудь станут для него домом, но это не мешает ему полюбить их, будто всю жизнь провёл среди этих серо-коричневых панелек и заводских труб. А может, он только и ждёт, чтобы вернуться к себе в Берлин и никогда не вспоминать об этих местах – если так, то его можно понять. А нам возвращаться некуда – никто не выбирает место, где родиться.

Мы прошли мимо остановки – автобусы нам бы не сильно помогли, дальше всё равно пришлось бы далеко идти. Так что, даже этого не обсудив, мы единогласно приняли решение прогуляться пешком. Хоть Штефан с Хайдеггером и выглядели отдохнувшими, так только казалось – они смертельно устали и потому выглядели странно, как ожившие мертвецы. Я тоже был далеко не в лучшей форме, но зато отдавал себе полный отчёт в происходящем. Я мог охарактеризовать наше положение: мы выбрали ходьбу, хоть и всю дорогу молчали. Могло сложиться впечатление, что нам не о чём было говорить. Но это не так. Мы прекрасно понимали друг друга без всяких слов. Я знал, что на уме о моих спутников и был уверен, что им тоже всё ясно без разговоров. Это было прекрасно. Пока мы шли, мир гаражей, заросших дворов и пустырей становился сказочной страной. Если человек свободен настолько, что может ничего не говорить и не делать – разве это не чудо? И всё становится только лучше оттого, что рядом те, кто понимает всё без слов. Мне нравилось идти вот так, наслаждаясь каждой секундой. Хотелось, чтобы эта дорога не кончалась никогда.

Мы дошли до перекрёстка и очередной автобусной остановки, где Хайдеггер покинул нас. Печально было прощаться с другом, даже зная, что это ненадолго. Мы со Штефаном пожали ему обе руки и проводили взглядом его маршрутку, скрывающуюся в общем потоке машин.

– А где он живёт? – внезапно спросил Штефан.

Я задумался.

– Есть одно место в этом городе, такое далёкое, что ты там ни разу не бывал и вряд ли скоро попадёшь; а сразу за ним живёт Хайдеггер. Наверно, туда он сейчас и направляется.

Мы со Штефаном свернули влево и шли теперь уже по главной артерии города, по проспекту, приближаясь к его дому. Я решил не расставаться с ним, а побыть ещё немного в этом районе. Рано или поздно, всё равно настанет время прощаться. Но этот момент совсем не обязательно должен настать именно сейчас.

В отличие от меня, Штефан торопился домой. Его ждали всякие будничные дела: умывания, завтрак, сбор рюкзака с тетрадами для колледжа. Самый обычный человек, каким мне никогда не стать. Кое-как умыться я успел ещё утром, есть я могу что угодно. Что касается конспектов, то на все у меня была одна тетрадь на все времена – сначала, в ней было двенадцать листов, потом я стал увеличивать её объёмы с помощью клея и бумаги из альбомов. Теперь там страниц восемьдесят – практично и необычно.

Штефан понял, что до начала пар мне суждено стать заложником этого района и пригласил меня к себе. Это лучшее, что он мог для меня сделать, но честно, этого я не ожидал. Домой мне не было никакого смысла идти, скорее всего, пришлось бы всё время до начала занятий провести где-нибудь на скамейке. А так, у меня были все шансы провести время куда интереснее.

Внутри была только его мама. Отец, по рассказам Штефана, сейчас занят на работе, которую ненавидел. Зайдя в дом, Гёте закричал во всё горло что-то по-немецки, видимо, что он пришел с гостями, точнее, только с одним гостем. Мама лежала в гостиной на диване с планшетом в руках, в длинном красном халате. Услышав крик сына, она подняла глаза и встретилась взглядом со мной, после чего дружелюбно улыбнулась и сказала: «Привіт!», как мне показалось, даже слишком мелодично. Я кивнул и ответил тем же словом, но скромно и шепотом.

Штефан направился в душ, пока я позволил себе похозяйничать на кухне, сварить кофе, достать печенье, тайком заглянуть во все ящики. На всякий случай, я заварил кофе на двоих, о чём сразу пожалел, сообразив, что он может и остыть. Душевая комната первого этажа находилась неподалёку от кухни и если сидеть тихо, не издавая ни единого звука, можно было услышать, как Штефан что-то напевает на немецком или на английском – точно разобрать было сложно.

Внезапно, появилось достаточно времени на размышления. Я думал о том, что всё идёт хорошо, но не помешало бы добавить в свою жизнь что-нибудь новое, желательно такое, что просто так невозможно было бы забыть. Оставалось лишь придумать, что именно.

Я взглянул на часы. Если я правильно понимаю, у нас со Штефаном осталось не так уж и много свободного времени. Гёте сам это понимал, а потому сразу после душа, завернутый в полотенце, направился на кухню, улыбнулся остывшему кофе, заранее сваренному мной и стал попивать его, затем взял из холодильника какую-то еду в контейнере и стал есть её ложкой – какой-то странный салат. Пять минут оставалось до выхода. Штефан был полностью занят своей едой. Я вытянул правую ногу в его сторону и проник под полотенце, двигаясь всё дальше, дальше, пока глаза мои смотрели прямо на него.

3. Штефан

В колледж мы с Гоголем пришли вовремя. И уткнулись в закрытую дверь – преподаватель так и не явился. Можно было подумать, что пару вообще отменили, но нет, остальная группа тоже была здесь. Пара девочек заняла единственную на всём этаже свободную лавочку, а всем остальным приходилось стоять, сгорбившись над телефонами. Я же прислонился спиной к стенке и стал вглядываться в глубину пустого тёмного коридора.

Название предмета было длинным и непонятным – что-то связанное с туризмом и обслуживанием. Может быть, даже что-то важное, как казалось мне в самом начале, но не теперь, когда приходится ждать преподавателя после стольких усилий, потраченных, чтобы не опоздать самому. Она пришла спустя пятнадцать минут. Ещё пять – и я бы умер со скуки. Но было рано радоваться, как выяснилось вскоре. Сидеть на паре оказалось ещё скучнее, чем стоять в коридоре. Единственное занятие: поглядывать на часы и всё ждать и ждать, когда же это закончится. Известно, что так один час может показаться десятью, если каждая клеточка человека болезненно ощущает себя на своём месте. Следующая пара была в этом же кабинете. Все десять минут я тайм-аута просидел внутри. Казалось, что мне хочется выйти, развеяться, но на самом деле, этот час потерянного времени полностью обездвижил меня, я не мог не сдвинуться с места, ни шевельнуться. В такие минуты гнева и тоски намного сильнее чувствуешь происходящее вокруг, будто не существуя, лучше всех ощущаешь бытие. Ещё не привыкнув к таким испытаниям, не в силах даже уснуть, я со страхом и тревогой дожидался очередного звонка.

В аудиторию зашла средних лет женщина, немного выше и миловидней, чем прежняя. Её появление было единственным событием за невероятно длинный срок. Властность в ней боролась с мягкостью, а дружелюбная улыбка на лице была будто вызовом, из-за взгляда, глядящего вдаль, на задние ряды, где засела основная масса студентов. Выждав пару минут в натяжном молчании, она начала говорить.

Теперь, мы не сидели, записывая каждое слово лекции, умирая со скуки. Она предложила нам разделиться на три группы и дала тему, скажем, «стандартизация и типология отелей и жилья отельного типа», или что-то в этом духе. Первые должны были рассказывать; вторые – дополнять, о чём те забыли сказать; а третьи – оценить работу тех и других, дать анализ всему, что происходит. Мне достались последние; а ещё Гоголю, и одной молчаливой девочке с вечно грустными глазами. Упёршись виском в кулак, я слушал первую группу (как оказалось, это было домашнее задание и им уже было, что рассказывать), переводя взгляд то на них, то куда-то в сторону. В одночасье от скуки, длившейся слишком долго, не избавиться. Зато появилась надежда.

Первые изложили общую картину вопроса. Когда настала очередь второй группы, их называли «оппонентами», заговорили уже об отдельных моментах и нюансах. Их было четверо. Они читали свои тексты по очереди, пока остальные посмеивались друг над другом и перетаптывались с ноги на ногу. Затем, когда настала очередь задавать вопросы, девочка из первой группы спросила у них что-то об отелях, а оппоненты стали переглядываться, ожидая, пока кто-нибудь из них не выдаст правильный ответ, но таких не было. Вопрос повторили во второй и третий раз – без результатов. Так вышло, что они поменялись местами – докладчики стали оппонентами, а оппоненты докладчиками. Гоголь подумал немного над вопросом и вскоре сам прошептал мне правильный ответ, правда, я сам не понял ни вопроса, ни его решения.

Вызвали нас троих. Нужно было подытожить работу докладчиков и оппонентов, прочитав замечания и комментарии, сделанные во время их выступления. Из всех, только Гоголь сделал одну заметку за всё это время – две точки и кривую дугу под ними, выразившими ни то добродушную усмешку, ни то злорадную ухмылку. Я стал читать, но не с бумаги, а исключительно из своей головы, как выступила первая группа, вторая, а затем, как докладчики и оппо-

ненты поменялись местами. Похвалил каждого из них и символически раскритиковал. Сказал где знания одних были неполными, а где у других неточными и у кого их было больше всего – я знал всё это, не из-за того, что вслушивался в каждое их слово и уж тем более не потому, что понимал их, а по той причине, что интонации и выбираемые позы говорят о содержимом речи то, что слова сказать не способны.

Я приложил на эту работу весь свой словарный запас, но местами сам был неуверен в правильности своей речи. Если у кого и были сомнения насчёт моего происхождения, то после этого они моментально исчезли. Мне казалось, что вот-вот после следующего моего слова на задних партах начнут хохотать, а затем и вся аудитория вместе с преподавательницей снисходительно посмотрят на меня с улыбкой. Но этого не произошло. Все понимали, что слышат, но ничем не выдали себя – наверное, смутились сами. Но это предало мне уверенности в себе. Последняя часть моей рецензии на выступление докладчиков и оппонентов получилась логичной и взвешенной. Впервые я произношу такую длинную речь и точно знаю: я выразил словами то, что хотел сказать, я сделал это на таком трудном и непонятном языке. Теперь, я ощущал, будто с самого рождения говорил на нём.

А Гоголь ответил на вопрос, на который не смогли ответить ни оппоненты, ни я сам. На этом его вклад заканчивался. Мы оценили работу обеих групп на высший бал – первым за знания, вторым за проделанную работу.

Мои предложения преподавательница внимательно выслушала и пронесла мимо ушей. Этого я так и не понял – зачем было меня спрашивать, как я оцениваю их работу, если моё мнение ни на что не могло повлиять? Девочка, стоявшая со мной и Гоголем, не сказала ни слова, а была своего рода талисманом, без которого не обходится ни одна хорошая команда – поэтому, она получила один и тот же бал наравне со мной и Гоголем, потевшими и работавшими головой языками – чуть ниже высшего. Тот же бал получили почти все, кроме некоторых оппонентов, до него не дотянувших и лучшей докладчицы, единственной, кто заработал высший бал.

Как раз прозвенел звонок. Делать в этой аудитории и с этой преподавательницей нам теперь было нечего. Как же быстро развеиваются чары.

Большая перемена не вызывала тёплых чувств и создавала лишь огромную пропасть скуки и безделья, спасение от которой блесело где-то там, на самом дне. И пока у меня было достаточно времени, я пытался вообразить себе идеальное занятие. Без чего ему не обойтись? Первые пять минут должны заинтересовать и держать в напряжении студентов весь оставшийся до конца час, и много времени спустя. Оно не может обойтись без музыки, но особой, выражающей тему лекции. Я представил, как преподаватель приносит огромные колонки в аудиторию и включает что-нибудь торжественное, к примеру, из классики, Вивальди «Времена Года. Зима». Она заинтересует всех – тех, кто слушал внимательно и даже тех, кто отвлекался, поглядывая в телефоны. А затем, настанет время второго трека. Все будут ждать чего-нибудь в том же духе: Бетховен, Моцарт... Вот только этого не произойдёт и на весь зал заиграет какой-нибудь известный всем в этой стране хип-хоп, скажем, «Безумие» популярной среди здешних моих знакомых группы «ЛСП». Текст, под зажигательный саунд, рассказывал о людях, алкоголе, любви и равнодушии. Я оглянусь и увижу, что все слушают её. Кто-нибудь обязательно выложит в инстаграме историю о «безумном препода» или «безумной паре». «ЛСП» доиграет до конца и музыку заменит театральная пауза. А потом, наш преподаватель скажет что-нибудь вроде: «Вы услышали два произведения. Теперь, моя очередь спросить: что между ними общего и какие различия? Понимаю, вам трудно ответить на этот вопрос – ведь как можно сравнивать две совершенно разные композиции?! Это так же глупо, как сравнивать кофе и чай. Но нечто общее у них всё-таки есть. И то, и другое – музыка; а это в свою очередь значит, что оба этих произведения способны своим звучанием проникнуть к нам в душу, покорить людские сердца, хоть и каждый по-своему. У музыки есть нечто общее с религией, философией

и любовью – все её разновидности разные, и в чём-то одном, всё-таки, одинаковые. Великий человек – тот, кто следует музыке своего сердца, а такие люди во все времена были дороже золота. Это – и есть тема моего предмета. Я покажу вам этот путь и вы пойдёте по нему, хоть он и проходит через множество трудностей, вы не пожалеете, что встали на него».

Что-то я совсем замечтался. Взглянув на часы, я обнаружил, что до возвращения на Землю осталось не так уж и много времени.

После пар, скучных и бессмысленных, я нашел в себе силы отправиться на студсовет. Попал я в него совершенно случайно, в один из первых своих дней здесь, когда во время занятия в аудиторию вошли парень и девушка с планшетами, чтобы записать желающих присоединиться к ним. Одного из них звали Влад – высокий, в пиджаке и красном галстуке, он подошел прямо ко мне и задал односложный вопрос: «Вступить хочешь?». Я кивнул, не особо понимая, чего именно хочу. Он записал моё имя, фамилию, группу. Как и все, удивился – сразу ясно, что родился я не в этой стране, где не привыкли видеть иностранцев каждый день, но отнёсся к этому спокойно и, улыбнувшись, сообщил, когда у них следующее собрание и где.

Влад был помощником главы совета. В его обязанности входило решать все организационные вопросы, почти всегда в одиночку. Он был единственным, кого я знал в совете.

Помещение этого кружка по интересам напоминало подсобное помещение, где всё было заставлено шкафами со всяким хламом: плакатами, книгами, рефератами десятилетней давности и так далее. Вид из окна открывался на заднюю стоянку колледжа и на стадион со спортивным комплексом. Здесь собрались, в основном, девушки с разных курсов и групп. Места было мало, поэтому многим приходилось стоять в небольшом пространстве между шкафами, и лишь те, кто приходил раньше ещё мог успеть занять сидячие места, присев на столы или подоконник. Стоя близко друг к другу, чуть ли не толкаясь, сложно было отделаться от чувства, что случайно зашел не в ту дверь и набрёл на секту каких-то психов. Только лицо Влада, выражавшее глубокое спокойствие и сосредоточенность над решением важных задач, всё же напоминало мне, что я нахожусь в студсовете, и что мне выпало быть одним из тех, от кого теперь зависит общественная жизнь всего колледжа.

– Всем привет, особенно новеньким. Кто ещё не знает, мы в ближайшие сроки планируем провести мероприятие ко дню учителя. У нас осталось полтора месяца, может больше, это уж как получится. У нас есть отличная идея создать музыкальную группу, если конечно, среди новеньких найдутся те, кто умеет... петь, играть на чём-нибудь – не важно. У нас уже есть идеи насчёт пары сценок, но их недостаточно. То, чем действительно сможем всех удивить, так это – мюзик-бэндом от колледжа. Если у нас всё получится, то мы ничего никому не скажем до самого мероприятия – это будет нашим сюрпризом и шансом выиграть конкурс между колледжами за лучшее выступление. А это, в свою очередь, поможет нам выиграть гранд от города, чтобы и дальше делать разные крутые штуки. И так, я слышал, что вот Штефан, наш новенький из Германии, умеет на чём-то играть.

Да, вот зачем я здесь. Справившись со смущением, я негромко уточнил:

– Я играю на аккордеоне. Музыка на любителя.

– Хорошо. А ещё кто-нибудь играет?

– Думаю, я смогу найти кого-нибудь, – продолжил я размышлять вслух, – у меня есть парочка знакомых. Но нам, наверное, нужен будет зал для репетиций, тем более что времени осталось немного.

– Об этом можешь не беспокоиться – я уже давно общаюсь с нашим деканатом, в этом можешь положиться на меня.

Он улыбнулся. Уже после нашего собрания он сказал мне:

– Спасибо тебе большое, ты выручил наше мероприятие. Оно должно быть лучшим из всех, что были за последние лет десять.

Слухи разлетелись быстро – представители каждой из групп рассказывали о том, что произошло на студсовете своим знакомым. Так всего за один день уже каждый студент в колледже знал всё, чего ожидать от предстоящего шоу. Так, за первые же пять минут, обо мне узнали все.

Возвращаясь домой из колледжа, я думал о том, какие обязанности взял на себя. Обещания насчёт мьюзик-бэнда не были пустыми словами. Я знал, что Хайдеггер уже два года как осваивает электрогитару и немного умеет играть на фортепиано, поэтому мне не приходилось сомневаться в его ответе на моё предложение, заранее представляя, как он с радостью тут же согласится вступить в группу, стоит только ему об этом намекнуть. А Гоголь перенял у своего папы страсть к ударным. Его родители как раз и познакомились на одном из концертов рок-группы отца Николая в конце девяностых годов. Эту историю я знаю уже давно. Можно сказать, Гоголь сам появился на свет под барабанную дробь. Вполне вероятно, что где-то в гаражах ещё лежит ударная установка с тех времён – он знает, что с ней нужно делать. Точно так же, как и с Хайдеггером, рок-группа – это предложение, от которого он не сможет отказаться.

Весь остаток дня я мог думать только об одном. Решил не откладывать счастье на потом и сообщить им обо всём вечером по телефону. Ещё ничего даже не успело произойти, а я уже видел нас на сцене и за кулисами; видел нас в студийной кабинке со звукоизоляцией, записывающих новый альбом. Осталось лишь найти звукооператора, но я не обязан делать это в одиночку – поспрашиваю ребят, кто-нибудь обязательно найдётся. Всё произойдёт само собой, достаточно приложить немного усилий и вдохновения, как в жизни начнётся светлая полоса. Кто знал, что так скоро я почувствую себя, так далеко от дома, своим.

4. Хайдеггер

– Раз, два...

Вступить в рок-группу Гёте было сомнительной идеей.

– Раз, два, три, четыре!

Это занимает много времени, да и перспектив не открывает никаких. К тому же, меня вполне устраивал тот образ жизни, какой я вёл до того самого дня, когда Штефан подошел ко мне и сказал прямо: «Вступай в мою группу». Может, не точно так, но всякой двусмысленности в его словах не было. Я бы и дальше проводил вечера у себя дома, катая в игры часы напролёт, а не в гараже на другом конце города, забытым всяким старческим хламом, вроде дырявых диванов, складных столов и пустых банок. Играл бы на гитаре пару раз в неделю по несколько минут, лишь изредка отыскивая новые песни, а не мучил бы струны почти два часа к ряду чуть ли не через день. Первые несколько репетиций я думал над тем, что за дичь ударила мне в голову, когда я, не размышляя, согласился присоединиться к этим алкоголикам с музыкальными наклонностями. Но это вскоре прошло. Спустя две недели, я почти ни о чём не жалел и жаловался лишь изредка на всякую чепуху. Что-то романтическое было в этих наших встречах... Или, мне просто нечем было заняться.

В универском актовом зале нам дали отрепетировать всего один раз, а дальше мы сами отказались от этой затеи. Противное дело – договариваться с тамошней администрацией. Они слишком многое требуют, а взамен дают практически ничего. Даже Влад, завглавы студсовета и специалист по ведению переговоров с учебным правительством, лишь пожимал плечами, и без всяких слов становилось ясно, как далеко они нас послали.

Мы стали встречаться у Гоголя в гараже, а через неделю, когда он соберётся перетащить свою древнюю ударную установку в недостроенный дом, мы будем встречаться там. Всё, что ни делается – только к лучшему. Единственный, кому было неудобно без микшерного пульта и прочего – был наш звукорежиссёр – Андрей, один из наших с Гоголем старых добрых друзей, поэт из техно-колледжа. Всю работу приходилось делать на компьютере на маленьких колонках с хриплым звуком. Но за всё время, что он провёл в нашем музыкальном коллективе, я так и не услышал от него ни слова жалобы.

На концерт в колледж мы выбрали песню «Yesterday» собственной аранжировки, которая лишь издали напоминала оригинал. Но вечную классику должен был узнать каждый, не смотря на все те эксперименты, которые мы со Штефаном от нечего делать, провернули с партитурой и самим исполнением.

Единственный вопрос, который вызвал у нас оживлённые споры, заключался в том, кто должен был исполнить вокальную партию на английском языке. Ни мой, ни Гоголевский голоса сомнений не оставляли – пришлось бы выдать каждому из слушателей затычки для ушей. А вот Штефан признался однажды, что посещал класс вокала в Берлине. Хоть его голос тоже был далёк от оперного, факт заключался в том, что в отличие от нас двоих, он хотя бы умел петь.

Поначалу, он отнекивался, даже предлагал позвать в нашу группу девушку из колледжа. Но мы наотрез отказались. Мне это не нравилось особенно, потому что наш коллектив устраивал меня таким, каким он уже был. Он состоял исключительно из парней, а это дорогого стоит. Штефан решил немного поспорить, но быстро усёк, что лишь зря сотрясает воздух и что меня с Гоголем не переубедить. Тогда группа чуть не распалась – так он был на нас обижен. Но Андрей поговорил с Гёте, выдал ему пару сочных комплиментов по поводу его голоса и, поверив в себя, он согласился, и сыграть на своём аккордеоне, и спеть на английском языке. Им он владел лучше любого из нас.

Не знаю, жалел ли он о том, что всё это затеял, или получали удовольствие от новых испытаний и пролитого пота, радуясь всему происходящему? Может, он задумывался над тем,

что лучше бы нам было исполнить что-нибудь инструментальное, без слов – но представив это со стороны, быстро пришел к выводу, что получится попросту неинтересно.

Теперь, мы могли двигаться только вперед. Преодолевать препятствие на пути к поставленной цели – что ещё нужно, чтобы чувствовать себя настоящими героями, каким бы ни был конечный результат. Ради такого незабываемого опыта и не на такое все мы готовы пойти. Пусть это будет всего одна песня, пусть нас услышат всего сотня человек, а может и того меньше – важен сам факт и акт, а слава, как нам хотелось бы верить, приложится потом, а если и нет, то это не так уж важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.